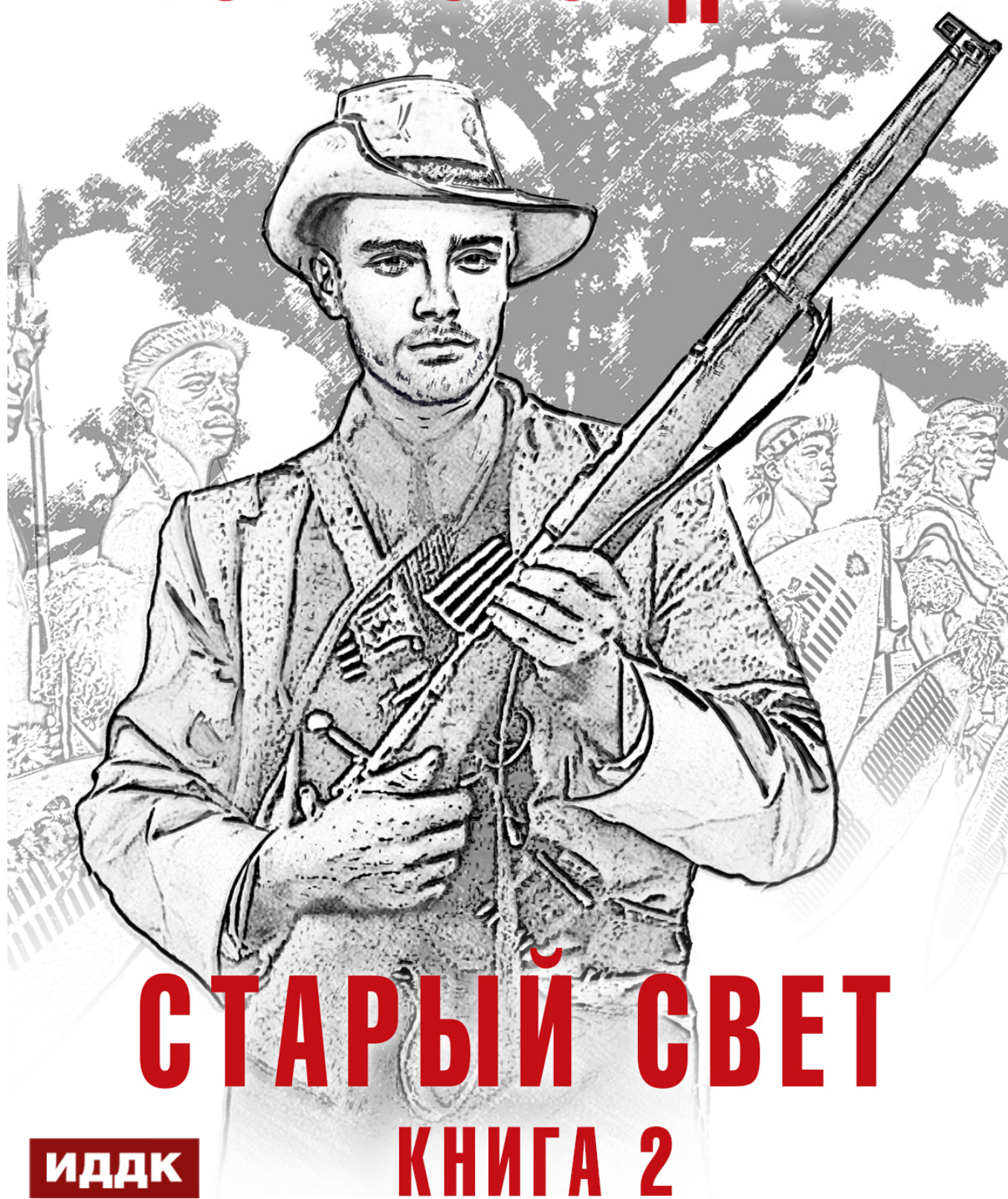

Евгений Капба

СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

СТАРЫЙ СВЕТ

КНИГА 2

ИДДК

Старый Свет

Евгений Капба

**Старый Свет. Книга 2.
Специальный корреспондент**

«ИДДК»

2022

Капба Е. А.

Старый Свет. Книга 2. Специальный корреспондент /
Е. А. Капба — «ИДДК», 2022 — (Старый Свет)

ISBN 978-5-535-22952-2

«Специальный корреспондент» - фантастический роман Евгения Капбы, вторая книга цикла "Старый Свет", жанр альтернативная история, стимпанк, исторические приключения. Гражданская война окончена. Страна отстраивается, привыкает к мирной жизни. Солдаты возвращаются домой - становятся у станков, операционных столов, плугов и преподавательских кафедр. Что может быть лучше, чем заниматься любимым делом, нести неокрепшим юношеским умам разумное, доброе, вечное? Разве что - приезд старого друга и предложение, от которого невозможно отказаться... Бросить все, взять в руки блокнот, карандаш и револьвер и отправиться на край света? Ну, а почему бы и да? Книга 1. Поручик Книга 2. Специальный корреспондент Книга 3. Атташе filmmusic.io Kevin MacLeod / Malicious © Капба Евгений © ИДДК

ISBN 978-5-535-22952-2

© Капба Е. А., 2022

© ИДДК, 2022

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгений Капба
Старый Свет. Книга 2.
Специальный корреспондент

© Капба Евгений

© ИДДК

Памяти Александра Грина

Часть первая

Глава 1 Любимое дело

Я достал из рундука родное хаки и отряхнул его от пыли. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь щель в шторах, подсветили целые сонмы мельчайших частиц, которые взмыли в воздух и закружились по комнате. Невыносимо захотелось чихнуть, но удалось сдержаться, наморщив нос.

Следом за кителем на свет божий появились галифе, сапоги, португеза с револьвером и фуражка – такая же мягкая, как в последний раз, когда я надевал её. Мне никогда не нравились фуражки. Вот и сейчас уставной головной убор отправился в сторону, как и свёрток с погонами и наградами, который даже разворачивать не хотелось – на зубах всякий раз появлялась оскомина.

Следовало позаботиться и о хлебе насущном: пара банок тушёнки, краюха ржаного, початая, но плотно закупоренная бутылка вина, фляга с водой, какие-то слегка пожухлые огурчики и желтоватая петрушка – это было совсем неплохо. Видали и похуже!

Вещмешок-сидор отправился в сторону – вот о чём я скучать не буду, благо теперь у меня имелся вполне приличный кожаный ранец. Из платяного шкафа в него перекочевали две смены белья, тёплый вязаный свитер и костюм поцивильнее – брюки в полосочку и сорочка. С полки я достал парочку дорогих сердцу книг и толстую тетрадь, которую использовал для записей. Скатка с шинелью пристроилась в крепления снизу – красота!

Бежал ли я? О да.

* * *

Ситуация назревала скверная. Как говаривал мой знакомый особист с непримечательным лицом, у каждой проблемы есть фамилия, имя, отчество. Лиза, Елизавета Валевская – вот как её звали. Свеженькая, миленькая, с пшеничного цвета волосами, яркими голубыми глазами, всегда готовыми к улыбке, и восхитительно алеющими в самый неподходящий момент щёчками. Очень, очень хорошая девочка.

В гимназии, где я работал последние три года, в соответствии с новыми веяниями имелись и мужские и женские классы. Никаких проблем с девочками в целом не было – прилежные, послушные, старательные – такие ученики просто мечта любого учителя, который до этого дирижировал ротой здоровенных мужиков. Проблема была с их родителями.

По итогам Великой войны, по самым скромным подсчётам, погиб каждый десятый имперский мужчина призывного возраста. Гражданская война также собрала свою кровавую жатву. Дефицит женихов образовался жесточайший, и конкуренция за подходящую партию порой доходила до абсурда.

Всё это время мне удавалось избегать пристального внимания вдовушек, строящих matrimониальные планы. Наверное, дистанция, которую я установил между собой с одной стороны и коллегами и попечительским советом с другой, всё-таки играла свою роль. Ну да, пришлось прослыть чудаком, но это чудачество легко списывали на пережитое на фронте. Да и, откровенно говоря, учителем я был хорошим – поэтому прощалось многое.

Но теперь меня припёрли к стенке. В буквальном смысле слова. В последний день четверти меня поймала на улице весьма респектабельная пара и, совершив обход с обоих флан-

гов, завершила окружение у манящей изобилием товаров стеклянной витрины универсального магазина.

– Понимаете, – сказала миловидная женщина неопределённого возраста, – девочка очень страдает.

Я не понимал.

– Вы должны войти в положение. – Было видно, что эти слова даются импозантному господину с видимым трудом, – У неё есть ваша фотография из газеты, она прячет ее под подушкой. Плачет вечерами, а я не могу позволить, чтобы моя девочка плакала.

– Я читала её дневник – там всё про вас, – снова подала голос дама.

Мои ощущения были сродни лёгкой контузии. Эти двое натурально втирали мне какую-то дичь. Мозг же независимо от моего желания совместил идеально-симметричный нос мужчины и его открытый лоб с голубыми глазами и изящной шеей дамы – и картина сложилась.

– Лиза, – сказал я. – Вы пришли из-за неё.

Ну да, она смущалась и краснела всякий раз, когда мне приходилось вызывать её. Да, она всегда тщательно следила за своей внешностью и иногда задерживалась в аудитории чуть дольше, чем было необходимо, но...

Наше время породило миллионы подранков. Бывшие беспризорники, сироты круглые, над которыми взяла опеку империя или её сердобольные граждане, и сироты, потерявшие одного из родителей... Нынешние подростки, юноши и девушки, выросли в ужасающих условиях, и мало кто из них избежал участи быть свидетелем дел кровавых и жутких, которые вовсе не предназначены для детских глаз. Многим из них хотелось внимания – независимо от пола, социального происхождения и имущественного положения. Просто необходимо было перекинуться несколькими словами с взрослым, который говорит с ними не чинясь, слушает и воспринимает как равных. Я старался, ей-Богу. Мне было до одури их жалко.

Но рассматривать ученицу в качестве будущей спутницы жизни или того хуже, мимолётного увлечения? Упаси Господь! Ничто человеческое мне, конечно, не чуждо, да и девицы в семнадцать лет вполне привлекают мужское внимание... Однако есть же, в конце концов, понятие о том, что такое хорошо и что такое плохо!

Госпожа Валевская-старшая посмотрела мне прямо в глаза и сказала:

– Я думаю, объявить о помолвке сразу после выпускного бала будет вполне уместно.

А я думал, что вполне уместно будет скорее пустить себе пулю в лоб.

– Вы несвободны? – встревоженно уточнил её супруг.

– Нет, дело не в этом... – попробовал начать маневрировать я. Но эти двое, видимо, всё уже решили для себя.

– Я понимаю, что вы небогаты, – кивнул господин Валевский. – Но у вас кристальная репутация – это дорогого стоит в наши дни! Не переживайте, я дам солидное приданое, сможете открыть частную школу или другое дело по душе – это вы сами решайте с Лизонькой, настаивать не буду.

Внезапно передо мной замаячил выход из сложившейся ситуации.

– Позвольте, – сказал я решительно и шагнул в сторону – прямо туда, где вращалась приводимая в движение электромотором автоматическая четырёхлепестковая дверь универсального магазина.

Они не сразу поняли, что я сбежал. Этот дошло до них только в тот момент, когда подошвы моих штиблет выбивали дробь по лестнице, ведущей на цокольный этаж, – там должен был быть чёрный ход.

* * *

Директора я уведомил в письменном виде – послал заявление по почте. Это было приемлемо – в конце концов, учебный год кончился, экзамены сданы, ведомости подписаны. Найдут они себе другого магистра-гуманитария... Оставалось только улизнуть из города незамеченным!

Я как раз сбрил отросшие усы и бородку и искал взглядом, чем бы утереться, когда пришлось хвататься за револьвер и тыкать им в незваного гостя, а после козырять, щёлкая тапками друг о друга.

– Ваше превосходительство? – Вот уж кого я точно не ожидал тут увидеть!

Артур Николаевич, как всегда великолепный, стоял прямо у меня за спиной и протягивал полотенце.

– А я смотрю, хватки ты не растерял! – довольно хмыкнул бывший регент и отвёл ладонью ствол револьвера в сторону. – Уже совсем бежите или на чаю попить времени хватит?

У этого старого тигра в глазах плясали смешинки – он явно всё знал! Я выдохнул:

– Чаю? Можно и чаю...

Чай у меня был хороший – молочный улун с другого конца света. С десятков сухих скрученных листочков шуршали и стукались на дне жестянки – этого как раз должно было хватить на две чашки.

– Присаживайтесь, например, в это кресло, – предложил я и поспешно убрал с подлокотника свёрток с погонами и наградами.

Этот торопливый жест не укрылся от цепкого взгляда Крестовского. Он принял у меня чашку чая, а потом достал из моего ранца за уголок тонкую серую книжечку в сером же переплёте.

– Это ведь ваше? Почему не подписались собственным именем? Достойная вещь, прямо скажу. У нас в столице её перепечатывают на папиросной бумаге через копирку и продают с рук – расходуется быстрее, чем горячие пирожки. А после того как копии стали проникать за границу, поток репатриантов из эмиграции увеличился чуть ли не вдвое.

Для меня это было новостью. Я и не думал о популярности, когда «Новеллы...» взяло в печать одно заштатное мангазейское издательство. На тот момент меня больше интересовал гонорар, ну и некая доля самолюбования тоже. Писатель – это не какой-то там хаки, да?

– Вот как! – только и смог выдать я. – А откуда вы...

– Император сказал. Кроме вас и него никто не мог знать некоторые подробности.

– Ах да... Действительно. – Я отставил в сторону фарфоровую кружку с отбитой ручкой. – Но вы ведь не о литературе говорить пришли, верно? Поймите меня правильно, я безмерно рад, но...

– Ну почему же не о литературе? Именно о ней. Я всё ещё президент Имперского географического общества и главный редактор журнала «Подорожник». И меня очень интересуют ваши литературные таланты вкупе с другими, не менее подходящими для дела способностями.

Я напрягся. От предложений таких людей не отказываются. Пришлось медленно выдохнуть, вспоминая, кто передо мной. Если уж Артур Николаевич Крестовский, бывший регент всея империи и двоюродный дедушка нынешнего императора, решил побеседовать со мной за чашечкой чая – совершенно точно известно, что беседа эта будет однозначно к вящей славе Господа, на пользу Новой империи, ну и для меня как минимум интересной и познавательной... Я слишком хорошо изучил его превосходительство в бытность его адъютантом.

– Как насчёт поработать на мой журнал специальным корреспондентом? Вы ведь хотели уехать? Вы и уедете – дальше некуда.

* * *

К ранцу добавилась ещё одна сумка – кожаная. В ней лежал подарок Крестовского – настоящее сокровище. Малоформатная фотокамера с резьбовым креплением объективов, которых имелось целых пять! И целая куча контейнеров с перфорированной плёнкой для съёмки.

Сумка лупила меня по бедру, когда я мчался по перрону, мечтая запрыгнуть в свой вагон прежде, чем кто-то из горожан узнает меня.

– Поезд на Яшму отправляется через пять минут, просьба пассажирам занять свои места! – кричал дюжий проводник в форменке и звенел в колокольчик.

– Пятнадцатый вагон! – выдохнул ему в лицо я. – Мне куда?

– К чёрту! – ответил проводник. – У нас двенадцать вагонов, сударь.

Я остановился как вкопанный и уставился в свой билет. Пятый! Пятый вагон! Это была не единичка – просто разделительная черта! Подняв глаза от мелких букв, я лицом к лицу столкнулся с ней.

– Вы?

– Валевская? Лиза?

Это был провал. Разгром полный, окончательное и бесповоротное поражение... Линия обороны прорвана, ряды смяты, отступающие войска настигнуты неприятелем, который преследует бегущих и берёт их в плен.

– Вы такой молодой... – неожиданно сказала она и провела ладонью по моей щеке и подбородку, и тут же отдернула руку, как будто обжегшись. – Ой!

– Лиза, поезд...

– Вы не смеете уходить, пока я не объяснюсь! – Было видно, что она сильно смущена и растеряна, и делает над собой большое усилие, чтобы находиться здесь и говорить со мной.

Такое поведение было достойно как минимум уважения. Девушка мяла в руках платок, опустив глаза.

– Я хочу, чтобы вы знали – не я подсылала к вам родителей. Я бы никогда, слышите, никогда не стала навязываться! Они поступили подло, читая мой дневник и подслушивая под дверью... Не докучала вам на занятиях и впредь не собиралась. Вы не виноваты в моих чувствах. Я ведь не дурочка, знаю – это всё ок-си-то-цин, верно?

Чёрт побери, она была действительно хороша! Яркие, небесного цвета глаза, гордая посадка головы, обычно ироничный, но сейчас печальный разлёт бровей... Голубое лёгкое платье, скромное, но не могущее скрыть стройной фигуры и привлекающих взгляд округлостей, изящная шляпка с вуалью – да что ж это такое?

– Я благодарна судьбе за то, что это были именно вы, а не какой-нибудь подлец. Молю Бога, чтобы мы с вами встретились – через два, три, пять лет. И могли поговорить как равная с равным – она посмотрела мне прямо в душу.

В горле у меня стоял ком. Я понятия не имел, что делать. Эта ситуация была, пожалуй, самой кошмарной из всех, что я испытал за прожитые мной четверть века.

– Что же вы молчите?...

– Лиза, вы лучшая девушка в мире. Умная, красивая, живая... Вы достойны счастья, и оно у вас будет. Не обижайтесь на своих родителей, они хотели как лучше. И простите меня, ради Бога! – Я позволил себе взять её за руку и поцеловать холодные костяшки пальцев.

Она не отнимала её до последнего.

Запрыгнув на подножку отправляющегося поезда, я запнулся, и могучая рука в железнодорожной форменке втянула меня внутрь.

– Сбежал от неё? – глянул на меня проводник. – Дурень, твоё благородие. Хорошо, что не в моём вагоне едешь, а то я б тебе в чай плюнул.

Да я бы и сам себе в чай плюнул, если б с этого был хоть какой-то толк.

Тонкая девичья фигурка стояла на перроне и смотрела вслед уходящему поезду.

* * *

– Моё мнение – автор никогда не служил в армии. – Господин с козлиной бородкой был из тех людей, которые говорят, не интересуясь, желает ли собеседник продолжать общение. – Понятия не имею, что они нашли в этой книге. Бесталанная писанина, пародия на литературу. Как ещё этот опус цензоры не зарезали? Император играл на скрипочке по кабакам Варзуги! Бред какой, каждый знает – его тевтонские кузены...

Я внезапно понял, что он рассказывает мне про мою же книгу.

– Его тевтонские кузены плевать хотели на империю после того, как было заключено перемирие, – сказал я. – Да и до этого мы их интересовали только с точки зрения земельных ресурсов и полезных ископаемых.

– А вы специалист? – Его бородка задиристо дёрнулась вверх. – Учёный?

– Журналист.

– И куда направляетесь? Хотя дайте угадаю! – Бородатенький, конечно, знал всё лучше всех. – В Яшму, до конечной. Там нынче синематографический фестиваль «Яшмовая корона», а это для вашего брата как экскременты для мух... Не обижайтесь, не обижайтесь. На правду не обижаются.

Любопытный экземпляр. Я думал, такие в империи уже не водятся. Может, репатриант?

– А вы, простите, куда направляетесь? – Вопрос с моей стороны прозвучал скорее из вежливости.

– Пф! Не имею привычки делиться личным с незнакомцами! – Этот гад взял со стола газету и демонстративно зарылся в неё.

И с ним мне ещё ехать! Может, скоро выйдет? В дверь купе постучали, и появился проводник с окладистой седой бородой.

– Чай заказывали?

Я кивнул, и поднос с дребезжащим стаканом, квадратным печеньем, ломтиками лимона и кусковым сахаром оказался передо мной.

Серебряный подстаканник с имперским гербом, крепчайший чёрный чай с ароматом цитруса – это всё очень напоминало детство! Как будто не было этого ужасного, разрушительного десятилетия. Как будто мне снова десять или четырнадцать лет, и мы всей семьёй едем в столицу, и всё вокруг кажется таким чудесным, таким значительным... И мама с папой живы, и я никогда не надевал хаки.

– Пф! Чёртовы рабовладельцы! – Мой сосед перевернул страницу, и я смог увидеть, чему он там возмущается.

Броский заголовок гласил: «Кровавая бойня! Ополчение гемайнов уничтожило целое племя туземцев из Сахеля». Дальше шла речь о том, что засуха толкает племена аборигенов Южного континента двигаться через горные перевалы к морю, и на своём пути они сталкиваются с гемайнами – потомками переселенцев из Оверэйссела, который ныне входит в тевтонский Протекторат. Гемайны, эти суровые люди, не церемонятся с чужаками и не экономят патроны. Вот и теперь какой-то журналист из Альянса, лайм, судя по фамилии, распинаясь о беспощадности поселенцев, которые вместо того, чтобы просто преградить путь и направить туземцев в безопасное место, открыли огонь и стреляли до тех пор, пока не умер последний из чужаков.

– Купите себе газету и читайте! У меня не публичная библиотека! – раздался сварливый голос.

Дал же Бог соседа, а? Я взялся за ручку подстаканника и вышел в коридор, прикрыв за собой дверь. Гемайны, Сахель, туземцы... И вправду нужно будет зайти в библиотеку или, что ещё лучше, в книжный магазин. Это ведь будет моей жизнью в ближайшие месяцы – а то и годы!

В стакане остывал чай, за окном мелькали огни далёких деревень, стучали колёса поезда... На душе внезапно стало легко и спокойно, из открытого окна ударил порыв вечернего холодного ветра, и, вдохнув полной грудью, я понял – что-то начинается.

Глава 2

Мечты сбываются

Он был как из детских грёз – огромный, изящный, белый, с крыльями парусов, барашками волн, разрезаемых форштевнем. Его называли «Гленарван», и он ждал меня – настоящий клипер, который направлялся на Сипангу с грузом пушнины, и с почтой для Гель-Гью, Зурбагана и Лисса.

Немногочисленные пассажиры ожидали, когда корабль пришвартуется и перекинет трап на причал, а я смотрел на него и не мог налюбоваться. Всё-таки каботажное плавание на чадающем пароходике, вёрст на пятнадцать-восемнадцать вдоль берега – это совсем не то же самое, что настоящее дальнее плавание на настоящем паруснике.

– Вы тоже на «Гленарвана»? – спросил меня загорелый юноша с живым лицом и чёрными, весёлыми глазами.

Он был одет как местный уроженец: серые брюки со стрелками бритвенной остроты и выглаженная накрахмаленная бежевая рубашка с закатанными рукавами прекрасно сидели на его поджаром крепком теле. Лёгкий дорожный саквояж, плащ-дождевик и кепи в руках говорили о том, что он явно собрался попутешествовать.

– Ну да, – ответил я.

Молодой человек с первого взгляда вызывал приязнь, а завести знакомство, учитывая перспективы многодневного плавания, было приятной перспективой.

– Меня зовут Рафаэль, Рафаэль Мастабай, я горный инженер. Хочу попытать счастья в Натале – оттуда приходят новости о каких-то фантастических находках полезных ископаемых. Мой профиль – полиметаллические руды... О, по вашим глазам вижу, у вас куча вопросов!

– Работа такая, – улыбнулся я.

Михаэль напрягся. «Вопросы здесь задаю я» – эта фраза после режима Ассамблей вызвала у граждан империи приступы жуткой аллергии.

– Спецкор «Подорожника», – пришлось мне тут же развеять его опасения.

– А-а-а-а! ИГО – это наше всё. Двигатель прогресса, можно сказать. Мы с вами, считай, коллеги. Нам, горнякам, без географии никуда!

ИГОм называли Имперское географическое общество – по аббревиатуре.

«Гленарван» спускал своё белое оперение, приближаясь к берегу, матросы сновали по мачтам, вантам и реям с удивительной ловкостью. Раздавались отрывистые команды.

– Принять швартовы! – послышался зычный голос, и на причал полетели канаты, которые принимающая сторона тут же принялась крепить к кнехтам.

Борт корабля мягко ударился о кранцы, был перекинут трап, по которому первым сошёл морской офицер в белоснежном мундире. Он поговорил о чём-то с портовым чиновником и скомандовал начинать погрузку.

Пришлось подождать ещё немного, пока начнут пускать пассажиров. Всего нас было не больше дюжины – всё-таки корабль не предназначался для перевозки людей, хотя какое-то количество дополнительных кают тут имелось.

С восторженным чувством я ступил на трап, преодолел его и сделал первый шаг по палубе. И с неким сожалением отметил, что паровая машина тут всё же была – труба виднелась между мачтами. С практической точки зрения это было замечательно, но с эстетической...

– Лука! Проводи пассажиров к каютам! – приказал офицер, и навстречу нам выдвинулся бывалого вида матрос. Походкой вразвалочку он шагал впереди нас, предупреждая о необходимости наклонить голову, перешагнуть через канаты или не задеть какую-то важную деталь такелажа. Мы спустились на нижнюю палубу и оказались в коридоре, по обеим сторонам которого виднелись ряды одинаковых дверей.

– Вам сюда! – сказал матрос. – У нас не отель, не обессудьте. – И хмыкнул.

Заглянув в предназначенную мне каморку, я остался вполне доволен – даже круглое окошечко-иллюминатор имелось, и в нём было видно море! Ну а койка, рундучок и небольшой стол так и вовсе казались предметами роскоши.

Заперев свой багаж на замок в рундуке, я отправился на верхнюю палубу наблюдать за тем, как корабль отчаливает.

С погрузкой почты закончили быстро, ждали только свежего ночного бриза, чтобы выйти с ним из гавани. Свободные от вахты матросы находились в увольнительных на берегу и собрались на пирсе только к вечеру.

Я никогда не задумывался о таких нюансах – суша остывает быстрее, и давление над ней повышается, соответственно, ветерок начинает дуть в сторону моря, над которым воздух остаётся тёплым, а давление низким... Парусники до сих пор пользуются этим природным явлением, причаливая днём и отчаливая в темное время суток.

Наконец пирс и палубу накрыла рабочая суета. За процессом наблюдал сам капитан – внушительный грузный мужчина с пышными бакенбардами.

– Отдать швартовы! – раздалась команда, а затем набор зубодробительных морских терминов.

Матросы полезли по вантам наверх, паруса распустились белыми лепестками, корабль дёрнулся, приводимый в движение порывом ветра, и устремился вперёд, рассекая волны.

Я, чёрт побери, был счастлив – то, о чём мечталось так давно, теперь происходило наяву.

* * *

Меня выворачивало наизнанку. Перегнувшись через фальшборт, я пытался сдержать спазмы, но тщетно – морская болезнь плотно надела и отпускать не собиралась. Теперь я мечтал, чтобы после того, как сдохну, патологоанатом, вскрывая меня, хоть чего-нибудь нашёл.

Хватило четырёх часов плавания в открытом море при умеренном волнении, чтобы я проклял тот день, когда ступил на палубу «Гленарвана», и захотел отправиться в Зурбаган пешком. Каннибалы и рабовладельцы теперь казались мне меньшей из проблем.

– А, это вы? – Рафаэль был бодр и свеж. – Принести вам воды? Говорят помогает.

– Нет-нет, спасибо... – Я утёр лицо и почувствовал вкус соли – брызги волн долетали до верхней палубы.

– Да вы совсем зелёный! Пойдёмте, выпьем тёплого чаю с лимоном – всяко станет полегче, даже если вы продолжите разговаривать с морским дьяволом и дальше.

Он ещё и шутил! И его совершенно не смущала качка. Вальсирующей походкой горный инженер двинулся в сторону кормы – там располагалась кают-компания. Хватаясь за любую опору и теряя равновесие каждую секунду, я двинулся за ним.

Кажется, даже звёзды на небе потешались надо мной. Как же, героический офицер, вся грудь в крестах – и блюёт дальше, чем видит! Стыдоба! И почему раньше, на пароходах, со мной такого не случалось?

– Идёмте, чай готов!

В каюте таких несчастных, как я, имелось несколько – их легко было отличить от бывалых морских путешественников по бледно-зелёному цвету лиц.

– А вы что, часто в море? – спросил я у Рафаэля.

– В первый раз! – пожал плечами он и принялся наливать чай в чашки, не уронив ни капли мимо.

Ну надо же!

* * *

– Хэйа даг! – поприветствовал я Рафаэля, когда он, постучавшись, вошёл в мою каюту. – Гло йа ин Год?

– Чего? – удивился он.

Я отложил самоучитель языка гемайнов и сел на койке.

– Верите ли вы в Бога? – сказал я уже по-имперски. – Говорят, им этот вопрос заменяет приветствие.

– Кому «им»?

– Коренным жителям Наталя – гемайнам.

– А-а-а-а! И что нужно отвечать?

– Еэр аан дие вадер, ен зин, ен дие хейлиге геес, если я правильно разобрался с произношением.

– Аминь! – кивнул Рафаэль. – А если бы я был неверующим?

– Тогда у вас не получилось бы вести дела с гемайнами.

– А почему вы назвали их коренным населением? Там же сплошь белокожие бородачи, потомки переселенцев из Оверэйссела, так?

– Но заселили-то они пустые земли, м? Четыреста лет назад лаймы завезли аборигенам холеру и оспу в обмен на рабов и слоновую кость, и народ там вымер. И пустынный берег без людей и живности не интересовал никого. Кроме гемайнов, которым жить под тевтонами не улыбалось – вот и выселились, чуть ли не целым народом.

– Вот как? А как же руды металлов, уголь?

– А это обнаружили почти случайно. – Я протянул ему одну из книг, которую купил в Яшме. – Вот, можете почитать, тут много по вашей теме. Не знаю, насколько сильно можно доверять автору, всё-таки он тоже лайм. Но чёрным по белому сообщает, что цветущие города Колонии были основаны сто пятьдесят-сто лет назад. Зурбаган, Лисс, Гель-Гью... Лаймы выгоды не упустят, переселенцы из Альянса устремились сюда сразу же, как стали известны истинные богатства этих земель. Их не интересовало земледелие и скотоводство, им было нужно золото.

– А гемайны? – Рафаэль и вправду был заинтересован.

– Гемайны дали бой. И лаймы умылись кровью и подписали Покетский договор, согласно которому не продвигаются далее чем на пятьдесят вёрст от побережья. И до сей поры договор соблюдался. Но кого после Великой войны интересуют старые договоры, верно?

Рафаэль задумчиво кивнул.

– Я возьму почитать? Не очень ясно, как во всё это вписываются туземцы...

– Нет проблем, читайте! Тотзиенз, Год сиен йо!

– Да, да... И вам всего хорошего.

Он уже закрыл дверь, но тут же вернулся обратно.

– Я чего заходил-то... Вы фехтуете?

– Э-э-э, что?

* * *

Оказывается, всё то время, пока мы лупцевали друг друга бамбуковыми палками и скакали по палубе, изображая записных дуэлянтов, за нами наблюдал капитан.

– Я вижу, вы пообвыклись, – проговорил он, спускаясь по лестнице. – Недурно, недурно... В каком вы звании?

Рафаэль внезапно вытянулся во фрунт:

– Корнет второй сотни третьего Горского кавалерийского полка!

– Капитан второго ранга Тулейко, до недавних пор командовал монитором «Отважный»... Теперь вот здесь пригодился. – Тулейко повернулся ко мне. – А вы? Вы где служили? В каком звании?

– В пехоте... – буркнул я и перехватил бамбуковый дрын обратным хватом. – Господин Мастабай, мы на сегодня закончили?

Рафаэль удивлённо глянул на меня, а потом по своей привычке пожал плечами:

– Наверное. Есть у кого-то ещё желание попрактиковаться? – обвёл он взглядом собравшихся на палубе зрителей.

Кавалерист – он и на корабле кавалерист. А я-то гадал, какого чёрта он не стал прекращать тренировку после того, как собрались зрители. Для меня их внимание было как мертвому припарка – вроде и плевать, а вроде и нелепо как-то. А корнет красовался. Третий Горский полк был сформирован уже после того, как лоялистов загнали на Янгу, и пороку они, почитай, не нюхали – горячую южную молодёжь использовали для отлова мелких банд и патрулирования дорог. А гонору-то гонору... И морская болезнь его не берёт, зар-раза.

Качка усиливалась, и меня опять прихватило. Господи, напиться, что ли? Или на корабле не положено?

* * *

Я как раз избавлялся от тщетной попытки пообедать, привычно скорчившись над фальш-бортом, когда увидел на бескрайней водной глади нечто чуждое. Осознание пришло секундой позже:

– Человек за бортом! – заорал я во всю глотку.

Несчастный дрейфовал по волнам на половинке двери, ей-богу! Ко мне в мгновение ока подбежал один из матросов и глянул туда, куда я указывал.

– Человек за бортом!!! – с утроенной силой заорали мы вдвоём.

Всё вокруг пришло в движение: команда забежала, пассажиры сгрудились у борта, на воду спустили шлюпку, полдюжины матросов и молодой мичман живо оказались внутри и мощными взмахами вёсел стремительно приближались к терпящему бедствие.

Он пришёл в себя и, увидев корабль и лодку, замахал рукой. Его сняли с обломка двери, и шлюпка быстро догнала лёгший в дрейф «Гленарван». Матросы при помощи шлюпбалок быстро втащили лодку на верхнюю палубу, корабельный доктор принялся осматривать пострадавшего.

– Обезвоживание, крайняя степень утомления... Оставьте парня в покое на несколько часов, напоите, и он будет в норме и сможет ответить на ваши вопросы, – сказал медик капитану.

Тулейко обвёл команду тяжёлым взглядом, и матросы мигом бросились по местам. Первый после Бога, а как же!

Меня живо интересовала судьба этого бедолаги – всё же именно моим приступам морской болезни он был обязан своему спасению, и потому я места себе не находил и выхаживал перед лазаретом. Мне чуть не прилетело дверью по лбу, когда оттуда вышел капитан.

– Офицеры, общий сбор! – негромко, но зычно провозгласил он, а потом добавил: – Вы с господином Мастабоем тоже можете присутствовать.

Назревало что-то интересное. В кают-компании было тесно от флотских, мы с Рафаэлем смотрелись там как настоящие белые вороны.

– Господа, Савский рог снова стал прибежищем для пиратов. Этот молодой человек – вроде единственный спасшийся с парохода «Буссоль». Чёртовы каннибалы атаковали их ночью, на своих клятых катамаранах... Парня зовут Джек Доусон, он из Колонии, служил кора-

бельным плотником и тащил отремонтированную дверь в капитанскую каюту. На ней и спасся, сиганув в океан. Бог знает, сколько ещё человек осталось в живых – по его словам прошло не больше двух дней с момента атаки.

– Он сможет подсказать место, где оставил «Буссоль»? – спросил старший помощник.

Этот дядька был под стать капитану, такой же величественный и грузный, только вместо бакенбард у него была полноценная борода.

– Устье реки Дауа, – ответил Тулейко. – Какие будут предложения, господа?

По морскому обычаю первым говорил самый младший, мы с Рафаэлем права голоса не имели. Слово взял тот самый мичман, который принял непосредственное участие в спасении Доусона.

– «Гленарван» – имперский корабль, господа. Мы не потерпим пиратства и канибализма.

Молчаливое одобрение было ему ответом. В таком же ключе высказывались и остальные флотские, и мне нравилась их решимость и вера в собственные силы. Мы имперцы, и точка. Где мы, там порядок, безопасность, уверенность в завтрашнем дне. Как можно поднимать каждое утро на мачте штандарт с орлом, если проплыть сейчас мимо творящейся дикости?

Капитан Тулейко был явно доволен.

– Меняем курс, господа! Направление на берег, к устью реки Дауа!

* * *

Идея была очень простой – подойти к берегу в темноте и сделать вид, что на «Гленарване» серьёзные проблемы, чтобы приманить пиратов. Откуда-то из трюма притащили несколько листов жести, какие-то старые тряпки, смоченные в мазуте, деревянную рухлядь – и развели костёр прямо на палубе. Огонь был небольшим, он больше чадил, и смрадный чёрный дым окутал клипер от носа до кормы.

– Вы можете спуститься в каюты, господа. А можете остаться здесь – выбор ваш, – сказал старпом, раздавая матросам винтовки и кортики.

Наготове была пожарная команда с помпой, огонь можно было залить в считанные мгновения. На реях замерли марсовые – самые лучшие стрелки в команде. Под тентом на юте таился станковый пулемёт, большая часть команды замерла, прижавшись к бортам, сжимая в руках винтовки.

А мы с Рафаэлем, Лукой, ещё тремя матросами и двумя дородными братьями по фамилии Чечиловы, из торговых представителей какого-то акционерного общества, пожелавших поучаствовать в охоте на пиратов, носились по палубе, разбрасывали вокруг себя мелкие предметы и орали как оглашённые, изображая панику и суету. Должно было выглядеть убедительно – по крайней мере, я был убеждён, что выгляжу отменным идиотом.

* * *

Из-за острова на стрежень, на простор морской волны выплывали из бамбука канибальские челны...

Точнее – катамараны. И было их великое множество, не меньше двух десятков точно. Интересной конструкции посуды, приводимые в движение косыми парусами и энергичными ударами вёсел в мускулистых руках аборигенов.

Народ это был странный и, судя по всему, злобный. Раскрашенные, как тысяча чертей, со странным коричневым оттенком кожи, они завывали и вопили на все лады, подбадривая самих себя. На каждом катамаране умещалось не меньше дюжины воинов, вооружённых копьями с длинными листовидными наконечниками, луками и древними дульнозарядными ружьями.

Они были совсем близко, и первые стрелы уже летели в нашу сторону – одна из них воткнулась в мачту в нескольких дюймах от моей шевелюры.

– Полундр-р-р-ра! – заорал старпом, и правый борт «Гленарвана» окрасился вспышками выстрелов. Та-та-та-та-та, – завёлся пулемёт на юте.

За бортом творился сущий ад, но дикари лезли вперёд как сумасшедшие, и не думая отступать. Торопились в свой каннибальский рай, наверное...

– По левому борту! – закричали с марсов стрелки, у которых обзор был лучше всего.

Первыми среагировали мы с Рафаэлем и торговые представители. Наверное, один или два катамарана зашли с тыла, и теперь из-за фальшборта через планшир перевалился сначала один коричневокожий молодчик, потом ещё и еще.

Револьвер уже грел руку. По армейской привычке стрелял в корпус. Голова – маленькая и твёрдая, тело – большое и мягкое. Рана в грудь или брюшную полость лишает противника боеспособности не хуже, чем мозги, разбросанные по окрестностям.

Я стрелял и стрелял, пока барабан не опустел, а потом взялся за багор – шашки у меня с собой не имелось, а это эрзац-копье было вполне годным для штыкового боя. Краем глаза увидел Рафаэля, который растерянно отмахивался стволом винтовки от раскрашенного громилы, вооружённого сразу двумя пугающего вида топорами, и решил вмешаться.

Воином абориген был великолепным – он даже успел отреагировать и сбить удар багра, но не учёл особенность его конструкции – наличие крюка. И р-р-раз – подцепив ногу, я сдёрнул дикаря на землю, а горняк-корнет тут же выпалил в него из винтовки. Оказывается, были ещё патроны! Растерялся, бывает!

– Я вам жизнью... – начал он.

– Па-а-аберегись! – Торговые представители Чечиловы были настроены весьма решительно и появились очень вовремя, с огромными дустволками в руках. – На землю!

До земли было метров пятнадцать-двадцать, учитывая морские глубины, так что мы попадали на палубу, и четыре выстрела грохнули практически одновременно. Шквал дробы смёл туземцев, а потом подросли матросы, и «Гленарван» был очищен от пиратов.

* * *

– Не смотрите на меня так осуждающе, господин корреспондент. И, прежде чем снимать вот это всё на фотокамеру, разберитесь как следует. – Капитан Тулейко дулом револьвера отодвинул верхнюю губу скулящему от ужаса раненому аборигену, который скорчился у него под ногами. – Это племя Крокодила. Взгляните на эти чудесные зубки – кошмар дантиста. Такие зубки говорят о том, что он убивал и кушал человека. Тому, кто не отведал людской плоти, таких процедур не делают. Это знак высшей привилегии. А по имперским законам и моему собственному разумению умышленное людоедство карается смертью.

Меня напугала оговорка «умышленное», и в голову полезли примеры ситуаций, когда я, сам того не зная, мог отведать человечинки. Черт его знает, что пакуют в экспортные консервы те же лаймы, например.

– Я капитан. Я на этом корабле царь, судья и священник в одном лице. Будь на его месте хоть ангел Господень, и знай я, что он убивал и ел людей – прострелил бы его ангельскую башку без колебаний. И посему, ввиду неопровержимых доказательств и поимки с поличным, приговариваю их всех к смерти, – сурово закончил Тулейко и спустил курок.

Грохнул выстрел. Пуля вошла аборигену в рот, вышла через затылок и застряла в досках палубы.

– Проклятье, – цыкнул сквозь зубы капитан. – Бросайте их за борт, к чёртовой матери! Акулы закончат работу. Оставьте вон того, с ожерельем, старика с простреленной ногой и парочку тех, что посвежее. Нам нужны проводники до посёлка.

* * *

Детские мечты продолжали сбываться. Схватка с пиратами, визит в посёлок к туземцам... Не так все это я себе представлял...

Хотя годы ношения хаки и избавили меня от подростковых иллюзий, но воспринять спокойно кровавое пиршество, которые акулы устроили вокруг обломков бамбуковой флотилии, было невозможно.

Примерно так же невозможно, как смотреть на ободранный до обшивки пароход «Бус-соль» и человеческие кости, разбросанные на жёлтом песке пляжа под пальмами. Два огромных кострища, множество следов ног и пятен крови...

Особенности национальной кухни? Народные традиции туземцев Южного континента? Уважение к культурным отличиям? Лука как-то, потешаясь надо мной во время одного из приступов морской болезни, рассказал о выражении «жевать долговязую свинью», и это было ужасно и вызвало очередной спазм. Но там речь шла о выживании, выборе между морализмом, который повлечёт за собой мучительную смерть, или отвратительным действием, которое позволит продержаться ещё немного. По имперским законам и это каралось смертью, но кто в здравом уме прямым текстом признается, что съел своего мёртвого товарища на шлюпке посреди океана?

Эти же люди, совершенно похожие на меня, Рафаэля или того же Луку, только с чуть более смуглой кожей, не страдали от голода. В океане и реке было полно рыбы, пальмы и плодовые деревья в изобилии приносили орехи и фрукты, за прибрежной полосой леса в саванне, по слухам, паслись бесчисленные стада животных. Это не пустынный и бесплодный Сахель, это Савский рог, земли, вполне благоприятные для проживания.

Я фотографировал пляж. Десантная партия с «Гленарвана» высаживалась на берег при помощи шлюпок, которые заходили в устье реки и приставали там, чтобы не подвергнуться разрушительному воздействию мощного прибоя. Капитан снова был во главе своих людей. Сурово нахмутив брови, он подгонял их:

– Живее, живее, мы должны выручить несчастных!

По словам Джека Доусона и захваченных каннибалов, на пароходе «Буссоль» были женщины. И если команду и пассажиров-мужчин постигла участь печальная и трагическая, то пассажирки сейчас находились в селении дикарей, живые и практически невредимые. Из двадцати четырёх женщин погибла только пожилая дама. «Умерла сама, даже есть не стали», как отметил абориген-старик. Может быть, апоплексический удар на фоне нервного потрясения или какая-то травма... Ключевым здесь было то, что пассажирки не подверглись насилию или истязанию – их приготовили на продажу Большому Серому – что бы это ни значило.

– Вам не следует туда идти, – преградил мне дорогу капитан Тулейко, когда увидел, что я закончил и собираюсь двинуться следом за колонной суровых матросов. – Лучше помогите с доставкой женщин на корабль, все офицеры будут заняты.

– Но позвольте... Я хотел осмотреть поселение дикарей. – Мой голос прозвучал несколько неуверенно.

– Они едят людей с самого раннего возраста – и мужчины, и женщины. Это племя Крокодила, я вам говорил. Не стоит вам туда ходить, господин репортёр. Особенно с вашей фотокамерой.

Я остался на берегу, глядя вслед колонне моряков, которые один за другим скрывались в джунглях.

Через полчаса загрохотали первые выстрелы, а через час мы с Рафаэлем и Чечиловыми налегали на вёсла, направляя в сторону корабля шлюпку, полную находящихся в шоковом состоянии пассажирок несчастной «Буссоли».

Глава 3

Пролив Бурь

«Гленарван» проходил пролив Бурь со спущенными парусами, на паровом ходу. Эти беспокойные воды не зря носили своё название – штормило всерьёз, небо хмурилось и грохотало, я всё-таки напился и находился в подпитии непрерывно около трёх суток.

На удивление помогало. По странному капризу моего организма проспиртованный желудок не торопился вывернуться наизнанку, и при должной аккуратности я даже мог постоять некоторое время на верхней палубе, вцепившись в ванты, наблюдая за высоченными волнами, которые наш корабль рассекал своим носом, и вдыхая солёный воздух. Я почти чувствовал себя настоящим морским волком. Если бы не отвратительное чувство холода в груди, которое возникало всякий раз, когда клипер проваливался в пропасть между водяными валами, предвещающая неминуемую гибель. Однако после этого «Гленарван» всякий раз оказывался на гребне, направляемый лопастями гребных винтов и волей капитана Тулейко.

Как переносили морскую прогулку дамы с «Буссоли», освобождённые из лап дикарей, я предпочитал не думать.

Дамы эти оказались представителями народа месье, уроженками республики Арелат. Наши бывшие союзнички по Великой войне, однако... Тевтоны здорово проредили их мужчин, выбили чуть ли не половину поколения, и свободные мадмуазели поехали искать работу и счастье в Колонии. Таков настоящий капитализм – их взяли на фабрики и заводы, чтобы на время войны заменить ушедших на фронт отцов, братьев и мужей, а после выкинули на улицу.

Опытные фабричные рабочие были нарасхват в бурно развивающихся городах океанического побережья. Обрабатывающая промышленность набирала там обороты, и потому арелатки вполне могли рассчитывать на нормальную жизнь и хороший заработок. Ещё пятьдесят лет назад такое было бы немыслимо – их ждали лишь «ярмарки невест» в лучшем случае или бордели – в худшем. Но война изменила слишком многое, и теперь удивить кого-то женской эмансипацией было сложно.

Но одно дело эмансипация, и другое – возможность её реализовать. Вон дикари были готовы продать их какому-то странному типу, которого звали Большой Серый – судя по всему, очередной то ли контрабандист, то ли пират с амбициями. Зачем ему женщины? На Южном континенте полно факторий, посёлков и городков колонистов, где подавляющее большинство населения – мужчины. Некоторые крупные компании даже в контракт включают пункт о наличии женского пола на месте работы и поселения. Так что выкрасть партию переселенок или взять на abordаж судно здесь в порядке вещей.

Говорили даже, что башибузуки во время Гражданской именно этим и промышляли – угоняли в рабство женщин, чтобы потом перепродать дельцам из Колонии. Ничего сверхужасного по меркам тех лет их не ожидало – чаще всего брак с каким-нибудь постылым сорокалетним фермером или остепенившимся старателем и размеренная жизнь захолустной домохозяйки. Порченные или искалеченные женщины тут были не нужны – мужа-покупатели разве что в зубы не смотрели, подбирая себе спутницу жизни, а потому и наши почти родные врагисоседи, и местная племенная братия старались с живым товаром обращаться поаккуратнее.

Мадмуазели же из Арелата принадлежали к категории высшей – помимо самоценности как женщины, они были квалифицированными специалистами и посему уверились в своей безопасности – компания гарантировала! Однако получилось так, как получилось.

Капитан Тулейко, вымыв руки и лицо от крови и пороховой гари, поинтересовался у неожиданных пассажиров о пункте их назначения и был вполне удовлетворён ответом. Они направлялись в Гертон, который после начала проблем с гемайнами и закрытия Тахенбакских рудников перепрофилировался на обработку колониальных товаров – хлопка, чая, кофе,

табака. Девушки были ткачихами с текстильных фабрик Каркассона, и работы для них нашлось полно.

– Компания заплатит вам за нашу доставку, – уверенно заявляли они, и Джек Доусон, выживший с «Буссоли», это подтверждал.

Документы у них были в порядке – аборигены женщин не обыскивали, так что у Тулейки появилась возможность дополнительного заработка.

Я во всех этих разговорах не участвовал, ибо в пьяном виде с прекрасным полом общаться опасался. Зато много слушал и мотал на ус. Особенно полезным собеседником был Доусон – за малую толику бренди он был готов трепаться часами.

– ... всё равно меня не оставят на «Гленарване». Плотник тут есть, а матросом не пойду – я в парусах ни чёрта лысого не смыслю. Кочегаром можно, но работёнка адова. Ещё стюардом могу, но на чертá стюард на «Гленарване»? Пассажиров-то тут раз-два и обчёлся. Нет, нужно на лайнер наниматься, богатых леди и джентльменов обхаживать. Глядишь, и найду себе какую-нибудь Розу...

– А почему Розу? – удивился я.

– Ну, можно Маргариту. Или там Чулпан.

– Что за чулпан? – мне стало совсем непонятно.

– Чулпан – имя такое. У башибузуков означает «тюльпан».

У него, видимо, был какой-то пунктик с цветочными именами. Он вообще был весь какой-то дёрганный, этот Джек. Вроде и симпатичный, с резкими, типично коннахтскими чертами лица и летящей чёлкой, которая, наверное, нравится дамам. Но манера говорить и двигаться выдавала в молодом человеке некий внутренний надлом.

– А вы и башибузуков видали? – спросил я, снова протягивая ему фляжку.

– Благодарю... – Джек отхлебнул и поморщился. – Видал, помотало меня... Лаймы-то фрахтовали наши пароходы будь здоров! И винтовки возили, и маковое молоко, и гашиш – там спрос будь здоров!

Я чуть не дал ему в морду. Винтовки, значит, и гашиш... А потом они на пулемёты пёрли как умалишённые...

– А назад что?

– Известно что. Вон, – он кивнул в сторону кают-компаний, которая была отдана на откуп мадмуазелям. – Таких же, только попроще. Они, как из лап баши к нам попадали, рады-радехоньки были. Ну, не все, конечно... Какая уж тут радость, коли на твоих глазах всю семью прирезали. Я так понимаю, там особо не церемонились, когда поставки обеспечивали.

«Поставки», «там» – это он про наших поселенков, про империю! Лаймы фрахтовали... Конечно, Колония в Альянс не входит, формально независимое объединение вольных городов, как на Апеннинах. В действительности же в каждом акционерном обществе, в каждом тресте более половины долей у островных джентльменов. Бизнес есть бизнес!

Джек увидел, как переменилось моё лицо, слегка отодвинулся и произнёс чуть ли не умоляюще:

– Ну, это... Не мы, так другие бы... Просто бизнес, ничего личного.

Над голыми, покрытыми водяной пылью ряями висели чайки и орали благим матом. И это было ни разу не романтично.

* * *

Волнение на море уменьшилось, ветер стих, буря кончилась – как раз в тот момент, когда мы покинули пролив и миновали маяки Аламбо, которые мерцали призрачным светом в утренних сумерках. Встречный бриз заставил снова развести пары, и «Гленарван» медленно, но верно продвигался вперёд, к Гертону.

– Взгляните! – крикнул Рафаэль Мастабай.

Встречным курсом двигался странный корабль – его паруса были ярко-алого цвета, они раздувались от ветра и несли судно вперёд с неистовой стремительностью. С палубы слышались звуки музыки, затем вдруг раздалась пушечная залпа, и небеса раскрасились огнём фейерверков. Что вообще тут, чёрт возьми, происходит?

– Граф Грэй чудит. Наверное, у его супруги день рождения или годовщина свадьбы. – Доусон оказался тут как тут со своими пояснениями.

Ну граф, ну день рождения... Но паруса?

– Какого хрена паруса алые? – предвосхитил мой вопрос инженер.

Джек Доусон выразительно глянул на нас, присвистнул и pokrutil пальцем у виска.

– Это вы ещё в Каперне не были, где у них усадьба стоит. Там вообще чёрт-те что творится, ей-ей, эти господа с придурью!

Мне очень сильно захотелось побывать в этой Каперне – журналист я, в конце концов, или нет? Да и паруса произвели на меня сильное впечатление, что уж там.

Размеренная поступь капитана заставила нас обернуться.

– Меняем курс. К обеду будем в Гертоне, – сказал он. – Надолго не задержимся, только выгрузим почту и проследим, чтобы с нашими гостями всё было в порядке.

Это прозвучало так, что мы с Рафаэлем переглянулись и отправились собирать вещи. Морское путешествие подходило к концу, нас ждала Колония.

Краем глаза я увидел, как Джек Доусон снял кепку и что-то говорил капитану. Тулейко насунил брови и сделал категоричный жест рукой:

– Нет! Это имперский корабль, а не колониальная вольница. Иностранцев граждан в команду я не набираю, и точка. Вы выходите вместе с пассажирами в Гертоне. Примите это как данность, господин Доусон.

Солнце поднималось всё выше, ветер менялся и свежел, разгоняя последние облака, и матросы, повинаясь зычным командам старпома, торопились поднять паруса, которые один за другим раскрывались на мачтах, направляя «Гленарван» к гавани.

Глава 4

Народ волнуется

Гертон встретил меня грохотом отгружаемого угля, матерщиной докеров, толкотнёй на причале и хмурым лицом таможенного чиновника.

– Цель визита в Колонию?

– Литературная деятельность. Я спецкор журнала «Подорожник».

Бюрократ долго рассматривал мои документы, пытаясь прочесть написанное имперским шрифтом. Пришлось ткнуть пальцем в дубликат на привычном ему транслите. При виде аббревиатуры ИГО и имперского герба он даже нос наморщил.

– Проходите. У вас виза на три месяца, можете перемещаться по территории Колонии, не удаляясь от побережья далее чем на пятьдесят вёрст. За пределами обозначенной территории ваша безопасность не гарантируется.

– А в Колонии гарантируется? – уточнил на всякий случай я.

Чиновник только посмотрел на меня, как на идиота, и ничего не ответил.

* * *

Гертон – большой, шумный, кипучий город. Гул фабрик, гудки автомобилей, цокот лошадиных копыт по мостовым, жар от раскалённых солнцем камней, сытные запахи из харчевен и закусочных. Поднявшийся во время серебряного бума на Тахенбакских приисках и переживший экономический спад после их исчерпания, во время Великой войны город возродился как крупный экономический центр благодаря поставкам в армию Альянса.

Лёгкая промышленность выдавала сотни тысяч комплектов военной формы, сапог, упряжи, портупей, кабур и планшетов. Пищевая поставляла тонны тушёнки, консервированных тропических фруктов. Сырьём для этого её обеспечивали плантации и пастбища гемайнов, которые распахали новые земли и освоили дополнительные пастбища... Альянс в отличие от Протектората не знал «брюквенной» зимы, в том числе и благодаря Гертону. А Гертон привык к такому ритму и таким доходам и сбавлять обороты не намеревался.

Людской поток валил по Бигль-страат. Плакаты с лозунгами, поднятые вверх кулаки, эмоциональные выкрики – забастовка! Эти рабочие могли позволить себе бастовать, потому что знали – их услышат. В условиях дефицита квалифицированных кадров их голос звучал громко.

Госпожа Прыткова – старая и многоопытная преподавательница Limish, или lime language – самого популярного в Альянсе языка, здорово натаскала меня за время моей работы в гимназии, так что теперь я шипел, надувал щёки и проглатывал букву «р» если и не как уроженец Камелота, то на уровне жителя пригорода Хедебю точно. Поэтому основной посыл бастующих был мне понятен – им урезали зарплату, снижали премии за сверхурочные, а то и вовсе убирали одну смену. Да, они могли уехать из Гертона, в Зурбаган, например, или в Покет, но кому охота бросать обжитые места и искать счастья, если есть вариант просто надавить на работодателя?

Я сделал несколько снимков толпы и трусцой направился к муниципалитету – там должно было развернуться основное действие. Пот бежал по спине, в нос и рот набивалась пыль, дышать было тяжело – жаркий южный полдень выпивал все силы. Какой дурак придумал проводить демонстрацию в полдень? Вечером такие дела надо делать, вечером!

Мне определённо следовало приобрести пробковый шлем, а лучше нормальную шляпу, если я не намеревался получить солнечный удар, выполняя служебные обязанности. Фотоап-

парат работал пропуском – завидев его, рабочие начинали позировать на фоне своих плакатов, полицейские пытались приосаниться, и в целом ни у кого не возникало вопросов, что за тип в хаки ошивается на таком важном массовом мероприятии. Так что мне удалось подобраться к самой ратуше и взобраться на портик над боковой дверью, чтобы получить лучший ракурс для фотографии и при этом слышать, о чём говорят на ступенях у главного входа.

Вещал мэр – энергичный дядька с заметной лысиной. Галстук его был распушен, белая рубашка закатана до локтей, штиблеты сверкали ярче солнца:

– ...не является спонтанным решением! Каждый из вас может пойти на склад своего предприятия и посмотреть – запасы сырья стремительно тают! Мы не можем удерживать зарплату на прежнем уровне, когда поставщики вынуждают нас поднимать закупочные цены! Дорожает сырьё – дорожает и продукция, а мы не можем этого допустить. Протекторат и его сателлиты сейчас хватаются за любую возможность заработать, демпингуют, переключая на себя товарные потоки. Не дремлют дзайбацу Нихона, тамильские компрадоры... Мы не выдержим конкуренции, если наша одежда будет стоит дороже тевтонской, а консервированные фрукты дороже тамильских!

Народ слушал. Народ волновался. Кто-то выкрикнул из толпы:

– Так что, снова гемайны?! Хотят содрать с нас денег за хлопок?

Из разных концов слышались совершенно случайные синхронные возгласы:

– Жируют за наш счёт!

– Плантаторы! Изверги!

– На хрен гемайнов!

Мне всё это очень не понравилось. Навидался я таких горлопанов – до сих пор оскомины на зубах не прошла. Очень, очень знакомо и очень пугающе!

Мэр поднял вверх обе руки и сказал:

– Джентльмены! Друзья! Мы все находимся в тяжёлом положении! Сегодня же я соберу в муниципалитете всех фабрикантов и представителей поставщиков, и мы обсудим закупочные цены. Помните, мы с вами на одной стороне! А ещё сегодняшний рабочий день вам из зарплаты не вычтут – это я лично обещаю!

И мэр сорвал овацию, ей-богу!

* * *

Я отбил по телеграфу заметку в «Подорожник», не экономя буквы – оплачивала принимающая сторона, и вышел под закатное солнце. Глухой проулок манил меня запахами пряного мяса, и, наплевав на осторожность, я сунулся к вывеске «Финикийский донер-кебаб».

Кучерявые улыбочивые ребята с огромными ножами и очень понятным акцентом лаймиш (гораздо более понятным, чем у самих лаймов), нарезали тонкими ломтиками жирное мясо с вертела, подсыпали овощей, полили всё это одуряюще ароматным соусом и завернули в питу – пышущую жаром, свежую. Они прямо тут пекли её в печи.

– Благодарю! – Я отказался от сдачи, потому что они были большими молодцами, эти финикийцы. Чистое заведение, вкусная еда, искренние улыбки – что ещё нужно, чтобы человек почувствовал себя счастливым? Я покинул закусочную в отличном настроении.

Рот наполнился слюной, и я уже наострил зубы, чтобы вцепиться в донер, когда моё внимание привлёк агрессивный гомон. Жуя на ходу, устремился к его источнику, благо он был недалеко.

Группа заводских рабочих, шесть-семь человек, прижала кого-то в тупике.

– А-а-а-а, что, бородач, боишься за своих щенков? Я им ноги переломая, чтобы они дорогу к побережью забыли! – подливал масла в огонь высокий, сутулый, рыжий заводила.

– У, шкуродёр, чего скалишься? – вторили ему.

– Гляньте, у него цепочка на пузе серебряная! Шикует! А нам зарплату урезают! А ну проси прощения, скотина! И возместить убытки не мешало бы.

Работяги все были в изрядном подпитии, обстановка накалялась. Видал я такие разухабистые компании при лоялистах. Погоны с офицеров рвали, винные лавки громили. Им дай волю, они и убить человека могут. А поодиночке люди как люди, вполне даже приятные.

– Гаан век, дайарэ! Воордат эк клоп ал йоу танде! – густой бас прозвучал действительно угрожающе.

Я-то понял, что он посулил выбить все зубы и назвал их животными, а они нет!

– Это кто здесь клоп, бородатый урод? Это вот эти два – клопеныши твои! Чего мы ждём, парни, отделаем его как следует, этого мироеда!

Они не видели меня, обратив всё внимание на свою жертву. А я спешно дожёвывал донер, но понимал – не успеваю! Заводила ринулся вперёд и тут же сел на задницу, сбитый с ног мощным ударом кулака сверху вниз, по темечку.

– А-а-а-а! – заорали рабочие, взметнулись вверх кулаки...

Грох! Выстрел эхом разнёсся в подворотне.

Я опустил револьвер и с сожалением глянул на донер, который грустно лежал в грязи.

– А это что ещё за... – Они были несказанно удивлены, эти мужики.

Вдруг открылась дверь закуской, и выбежали финикийцы со своими здоровенными ножами, все втроём. От их улыбочивости не осталось и следа, чёрные глаза злобно сверкали.

– Э-э-э-э, что вы тут устроили? Каждый знает – здэс мэсто братьев Адгербал, м? Пойди устрой свой беспрэдэл в другом мэсте, м? – Акцент даже подчёркивал угрожающие интонации, а сверкающие клинки в руках демонстрировали серьёзность намерений финикийцев.

Заводила уже встал и, мазнув взглядом по моему хаки, махнул своим товарищам:

– Спелись, черти... Рабовладельцы и пархатые финикийцы... Всех вас к ногтю, в своё время...

Ворча и матерно бурча, они вышли из проулка и исчезли из виду.

Я наконец смог рассмотреть тех, на кого была направлена агрессия. Крепкий коренастый мужик в широкополой шляпе и двое мальчишек лет двенадцати-пятнадцати. Оба вцепились в рукояти ножей на поясе, мужчина держал ладони у сыновей на плечах. Борода у него и вправду была выдающаяся, опускаясь на самую грудь.

Смерив меня оценивающим взглядом с головы до ног, он прогудел:

– Гло йа ин Год?

– Еэр аан дие вадер, ен зин, ен дие хейлиге геес! – старательно выговаривая слова, сказал я.

– Амен! – Он кивнул и тут же расплылся в улыбке, став совсем не страшным – что-то вроде протекторатского Санта-Клауса, только со здоровенным тесаком на поясе.

– Заходы, заходы к нам, борода, и мальчишков заводы, чего тут стоять, м?

Они завели нас внутрь, завернули мне ещё один донер, налили кофе гемайну и апельсинового сока мальчишкам.

– Вы принимаете песок? – уточнил бородач и полез за пазуху.

– Всё, всё прэнимаем! Даже алмаз и платина! И весы имеем!

Действительно, младший финикиец сбегал куда-то и притащил аптекарские весы, а гемайн насыпал на одну из чаш щепотку жёлтых крупинок из кожаного мешочка.

– О-о-о-о! – восхитились кудрявые братья и тут же завернули ещё три донера, выставили целый поднос с зеленью, сыром и какими-то фруктами и притащили графин с молодым вином.

Они оказались замечательными ребятами, эти финикийцы. И гемайн, минеер Боота, и его сыновья тоже. И то, что мы все жутко говорили на лаймиш, нам совсем не мешало.

* * *

– Будете за рекой, в Натале, так и знайте, ворота крааля Бооты всегда открыты для вас. Любой гемайн укажет вам дорогу к моему дому, а там вы будете как за каменной стеной! О, йа, вы и будете за самой настоящей стеной, хо-хо-хо! – взявшись за бока, хохотнул минеер Боота.

Я вежливо улыбнулся в ответ и пожал руку ему и его сыновьям. Гемайн чмокнул губами, и запряжённый четвёркой лошадей фургон, полный покупок, сдвинулся с места и запылil прочь от душного Гертонa в сторону далёких зелёных холмов.

– Год сиен йо! – крикнул я вдогонку.

– Тотзиенс! – откликнулись из фургона.

Эти гемайны – первые, кого я увидел вживую из этого народа, живо напомнили мне хуторян с Южной засечной черты, а ещё жителей северного поморья. Домовитость, основательность, готовность зубами и кулаками отстаивать заработанное тяжким трудом, бесконечная преданность своему дому и своей семье. Это совсем не походило на легкомысленных и вспыльчивых импульсивных жителей Гертонa.

Я увидел здесь, в этом городе, всё, что хотел, и теперь ждал транспорт до Лисса. Жители Колонии завзятые мореходы, и протянуть железную дорогу вдоль побережья, чтобы соединить ключевые города ещё и по суше – нет, это было не в их стиле. Каждый город жил обособленно, имея связь с внешним миром при помощи морских судов и телеграфа – в последнее время. Имелась ветка от трансконтинентальной дороги до Лисса, построенная ещё в прошлом веке тевтонами, и на этом всё. Говорили, что масштабное железнодорожное строительство началось в окрестностях Зурбагана, но туда мне предстояло попасть ещё нескоро.

Гостиница, в которой я ждал попутного судна, называлась «Суша и море». Одноэтажное каменное здание с чёрной крышей прижалось к скале в удобном с точки зрения приманивания постояльцев месте. Шоссе на Тахенбакские рудники делало здесь петлю, и волей-неволей вынуждало экипажи и автомобили притормаживать. Окна её смотрели на океан, и мне это было на руку.

Капитан шхуны «Бабочка» Илай Фокс квартировал тут же, в гостинице Стомадора – так он называл «Сушу и море». За ним должны были прислать шлюпку, когда судно покончит с погрузкой и бумажными формальностями. Золотые имперские монеты, перекочевавшие в карман грязного капитанского кителя, были достаточно убедительным аргументом, чтобы он согласился взять с собой одного корреспондента из далёкой северной страны.

С сожалением поглядев ещё раз на удаляющийся вдаль по дороге фургон и на далёкие предгорья, теряющиеся в туманной дымке, я зашагал к гостинице. Здесь, за столиками под навесом, восседали завсегдатаи, и капитан Фокс в их числе.

Учитывая мой опыт общения с вышколенными и опрятными офицерами и матросами с «Гленарвана», воспринимать растрёпанного, потасканного и вечно взмыленного моряка всерьёз было сложно. Фокс приглаживал свои сальные волосы пятернёй, курил сигариллу и спорил о чём-то с пошарпанного вида интеллигентом в круглых очках.

– ...они в итоге всё равно придут к этому. Только концерны, только федерация, только подчинение себе основных источников ресурсов. Здесь, на Южном, мы единственный оплот цивилизации, единственный островок культуры в море дикости. Историческая миссия городов Колонии – показать всему миру пример построения общества нового типа, а для этого нам необходима ресурсная база и жизненное пространство... – вещал интеллигент.

От словосочетания «жизненное пространство» меня передёрнуло, и захотелось врезать по уху этому очкастому.

– А гемайны? – Фокс налил в свой стакан ещё порцию выпивки из мутной бутылки и отхлебнул добрый глоток.

– Гемайны – пережиток прошлого. Рабство – отвратительный рудимент, с помощью которого не построишь эффективной экономики, – пожал плечами его собеседник. – Или они изменятся, или Наталь исчезнет с карты мира.

– Между тем на фабриках, которые работают на натальском угле, мы перерабатываем натальский хлопок, подкрепляя силы на обеденных перерывах натальским мясом, натальским хлебом и натальскими фруктами... – Фокс пошевелил стаканом, и алкоголь закрутился по стенкам, образуя воронку. – Вы не помните, и я не помню, но дед мне рассказывал, что такое воевать с гемайнами. Они там винтовку на десятилетие в подарок получают и всю жизнь воюют с каннибалами. При мне тринадцатилетний мальчишка-гемайн одним выстрелом уложил льва, потом достал из-за пояса нож и пошёл свежевать его, а когда оказалось, что хищник жив, – вступил в схватку и прикончил зверя, перерезав ему горло. Знаешь, что сказал ему отец? «Молодец, что сэкономил пулю!»

– Пф-ф-ф-ф! – сделал вялое движение ладонью интеллигент и отпил из чашечки кофе. Чашку он держал, оттопырив мизинчик, конечно же. – Сколько там населения в Натале? Пятьсот тысяч? Что сделают пятьсот тысяч против полутора миллионов городского ополчения?

Илай Фокс мрачно посмотрел на него, выхлебал из стакана мутное пойло и стукнул доньшком по столу:

– По три выстрела, сэр! Они сделают по три выстрела. – Завидев, что я подошёл поближе, он помахал рукой, подзывая к столу. – Вот, человек военный, да ещё и из империи. Ну хоть вы скажите этому энтузиасту – война с гемайнами ведь сущий бред, да?

– Любая война – это самый худший кошмар, который только можно себе вообразить, – с готовностью подтвердил я. – Но люди существа напрочь иррациональные и готовы осуществлять бред с завидной регулярностью.

– Война есть продолжение политики другими средствами, – проговорил интеллигент. – Нация куётся в горниле сражений и испытаний, а не за столом переговоров.

Это звучало слишком по-лоялистски, и я сжал кулаки. Фокс заметил моё состояние и с усилием поднялся из-за стола.

– Пойдёмте собираться. Вон «Бабочка» уже на подходе.

И как его пьяные глаза рассмотрели, что едва заметный парусник на морской глади – это «Бабочка»? Я забрал в комнате фотоаппарат и ранец и вышел в коридор, дожидаясь Илая Фокса. Капитан шхуны, хлопнув дверью, вывалился в коридор и подошёл ко мне:

– Не якшайся с Грегори, парень, слышишь? Дрянной он человек!

Это он об этом интеллигенте, наверное. Я и не собирался с ним якшаться. Вообще-то это Фокс распивал с ним напитки в тенёчке, а не я. Пинком ноги капитан распахнул дверь наружу, сунул в руки подбежавшему хозяину гостиницы деньги идохнул ему в лицо перегаром:

– Передай Бетси, что она свет моих очей и огонь моих чресел! – И зашагал к морю прямо через дорогу, не глядя на внезапно ставший оживлённым транспортный поток. Телеги с углём, почтовый дилижанс, авто с открытым верхом – капитан петлял между ними, вызывая возмущённые крики, хлопанье бича и гудки клаксона.

– Идиот самый настоящий! – прокомментировал хозяин. – Дрянной человек!

Я дождался, пока на шоссе станет посвободнее, в несколько шагов догнал дрянного человека и подхватил его под локоть. Лестница к морю выглядела опасной, а мне совершенно точно нужно было попасть в Лисс – и желательно уже завтра.

* * *

– Поднять якорь, черти! – Как только Фокс оказался на палубе, в него будто бесы вселились. Он топал ногами, грязно бранился и потрясал кулаками: – Свистать всех наверх, поднять брамсея, держать курс по ветру, бездельники!

Эти командные выкрики звучали бы грозно и внушительно, если бы весь экипаж не состоял из десятка таких же потасканных забулдыг под стать своему капитану, которые при этом отменно знали своё дело и никуда свистать не желали, уже находясь на верхней палубе и живо управляясь с косыми парусами.

– А-а-а-а, вот я вас! – Илай Фокс швырнул пустую бутылку за борт и оттолкнул рулевого плечом от штурвала: – Поди прочь, Джимми Коллинз, пока я тебя не вздул!

Джимми Коллинз, ушлый парень в сбитой набекрень зюйдвестке, только усмехнулся, шмыгнув носом, ловким движением вытянул из бокового кармана капитанского кителя вторую початую бутылку и вильнул в сторону, уклоняясь от агрессии Фокса.

– Наш капитан золотой человек, когда не пьёт. – Матрос подмигнул мне, подтянул штаны и исчез из виду.

– Ар-р-р-р-р-р марсе-ля! – прорычал золотой дрянной человек, и команда его поняла, и раскрылись новые паруса, улавливая ветер.

Лохмы Фокса растрепались, китель был расстёгнут, глаза – слегка навывкате, руки – на штурвале. Картина живописная, что уж тут сказать. Я понятия не имел, где мне разместиться и что делать, и потому присел на баке на какой-то моток канатов. В груди ещё теплилась надежда, что капитан помнил, что мы плывём в Лисс, и что, если я буду находиться на открытом воздухе всё время плавания, морская болезнь не доконает меня.

Внезапно чуть ли не из воздуха рядом нарисовался Джимми Коллинз.

– С кем пил старина Илай? – уточнил он.

– С каким-то Грегори. Такой, в очках и разглагольствует...

– Сраный ублюдок. Из этих, как их... а-бо-ли-ци-о-нис-тов, вот! Всё радуется за права кафров, даже вроде как несколько лет назад осмелился пересечь Руанту и агитировать натальских кафров на восстание против своих хозяев...

– И что?

– Кафры его слушать не стали и сдали гемайнам. Ну а те тоже его слушать не стали – вываливали в дёгте и перьях и отправили восвояси. С тех пор он тут против рабства ведёт борьбу, в основном по кабакам... Сволочь такая.

– А почему сволочь? Ты что, сторонник рабовладения? Против освобождения кафров?

Джимми Коллинз посмотрел на меня своими ясными голубыми глазами, которые ярко горели на его чумазом простом лице, и твёрдо сказал:

– Я против того, чтобы ублюдок, который купил себе жену прямо на пирсе, прямо с борта корабля, а потом угробил её за два года, вёл речи о рабстве, свободе и высоких материях, сэр!

Такая здравая мысль, прозвучавшая на грязном парусном корыте между воплями пойманного белого горячку капитана, была подобна грому среди ясного неба. Этот Коллинз был в доску свой, настоящий имперец, такой, как Лемешев или Демьяница, или его превосходительство, и я не замедлил ему об этом сказать.

– Не знаю, похвала это или хула, сэр, про вашу Новую империю у нас всякое рассказывают...

– У нас про Колонию и про Наталь тоже. Но знаешь, в чём разница?

Юноша дёрнул подбородком, ожидая продолжения.

– В том, что меня сюда послали, чтобы там, в империи народ начал понимать, что тут вообще происходит, кто вы все такие есть и как нам себя в связи с этим вести. А этот Грегори, как я понял, сразу полез со своими идеями к кафрам, не разобравшись, да?

– Разумные вещи вы говорите, сэр, очень разумные. Жаль, что у нас такое мало кто понимает, большая часть парней предпочитают слушать балаболов вроде Грегори, горланить и грозиться пойти в Наталь учить уму-разуму гемайнов. До добра это не доведёт, это уж точно, – проговорил Джимми Коллинз и вытянул из рукава капитанскую бутылку с выпивкой. – Отда-

дите капитану Фоксу, сэр. Если он поймёт, что это я стащил пойло, то поколотит меня. Как пить дать поколотит!

И отправился к своим товарищам. Нужно было зарифить паруса, надвигалась непогода.

Небо темнело, ветер крепчал, матросы с тревогой поглядывали на пенные барашки волн и клочковатые тёмные облака, а капитан, вцепившись в штурвал, орал во всю глотку про Гертон, топсели и деревянную ногу.

И я полез за фотокамерой, потому что всё это было жутко и прекрасно одновременно.

Глава 5

Карнавал

Лисс вырвался из плена шторма, представ перед нами во всей своей красе в последних лучах закатного солнца. Живописные холмы, усыпанные гроздьями милых маленьких домиков; буйная зелень; белые лестницы и парапеты; полный жизни портовый район с многочисленными фонарями, свет которых заполнил собой пространство в тот самый момент, когда солнце утонуло в море; десяток парусных кораблей в гавани; снующие туда-сюда лодки; звуки скрипки; бречание гитарных струн и весёлый женский смех.

– Будь я проклят, в Лиссе снова карнавал! – Хмель постепенно отпускал капитана Фокса, и, по всей видимости, у него начинала трещать голова. – Джимми Коллинз, сукин сын, поди сюда, возьми штурвал! Сам Бит-Бой не смог бы провести «Бабочку» в гавань, будь ему так погано... Где моя бутылка?! А? У меня была вторая бутылка!

Глаза Илая Фокса были красными, губы пересохшими, голос сипел.

Соскользнувший на палубу по вантам Коллинз умоляюще уставился на меня, и я тут же протянул капитану священный сосуд. Тот присосался к горлышку, как младенец к груди матери. Глаза его постепенно приобретали нормальное выражение.

– Эй, как там тебя... – Он пощёлкал пальцами, пытаясь припомнить моё имя.

У него не получалось – мы договаривались о доставке меня в Лисс в момент практически полного беспамьятства, да и далее капитан пребывал в состоянии практически постоянного подпития. Поэтому, отчаявшись, он махнул рукой, сел на ступеньки лестницы, которая вела с юта на шканцы, и похлопал рядом с собой.

Я сел как можно дальше.

– ...понятия не имею, какого хрена тебе нужно в Колонии. Времена нынче беспокойные, дрянные времена – пахнет войной. Вот, посмотри туда, – он ткнул пальцем в огни Лисса, которые, мерцая, становились всё ярче и ярче. Палец его трясся, вся рука тоже. – Они не знают другой жизни. Карнавалы, ярмарки, чистое небо над головой, корабли в гавани... Они не видели настоящей беды, не бывали там, где бывали мы с тобой... Я по глазам вижу, ты хлебнул лиха. А для этих людей фраза «Только б не было войны» – пустой звук. Они мыслят категориями фантазий и мечтаний, готовы напаять на своих мужчин мундиры и отправить маршировать стройными рядами на пулемёты – освобождать кафров от рабства и отвоёвывать жизненное пространство для Колонии... Строить дивный новый мир – здесь и сейчас. Они не понимают, что теперь, в этот самый момент живут в условиях несказанных благ и счастья. В каждом доме водопровод и канализация, полные прилавки еды, работы хватит на всех, недавно построили вторую больницу, открыли лицей для девочек... Это Лисс! Сказка... Сказка, которую они хотят превратить в сагу о Нибелунгах... Ты знаешь, кто такие нибелунги? Я понятия не имею, но звучит красиво. Они и хотят красиво. На белых конях, под звуки труб и барабанов... Их поймеют, я клянусь. Не знаю как, но поймеют. Кто-то нагреется на их мечтах...

Капитан всхрипнул и обмяк на лестнице. Он, чёрт побери, спал! Я встал и кивнул Коллинзу:

– Надо бы капитана в каюту перенести, а то как-то неуместно получается – нам в порт заходить, а он вот так вот тут расположился.

– Хр-р-р-р! – выдал трель Фокс и сполз по ступенькам на палубу, свернувшись клубочком.

* * *

Шхуна должна была дожидаться очереди на разгрузку и стала на якорь на внутреннем рейде Лисса. Меня взялись перевезти на берег вездесущий Джимми и ещё один парень, которого звали Келли. Они ловко управлялись с вёслами, и Коллинз сказал:

– Мы ведь можем зайти пропустить по рюмашке, а? Я знаю отличное местечко за углом. Келли молчаливо одобрил такое предложение.

Я сидел на носу и восхищённо пялился на взмывающие в воздух бумажные фонарики. Сотни и тысячи огоньков взлетали в ночное небо. Эта традиция воистину великолепна! Звуки музыки добавляли происходящему некоего романтического флёра, настраивали на несерьёзный лад.

– А ну как такой в вантах засядет? Ума у лиссцев – как у курочек. Подождут корабли к бесу... – Ворчание Келли моментально спустило меня с небес на землю.

Действительно, в гавани сплошь парусники! Какие, к чёрту, фонарики? Сумасшествие.

Ялик, пользуясь практически полным отсутствием прибоа, причалил к самому пляжу, матросы вытащили лодку на берег.

– И что, никакой таможни? – удивился я, спрыгивая на мокрый песок. – А контрабанда, преступники?

– Сэр, в Лиссе каждый второй контрабандист, каждый третий имел в прошлом проблемы с законом посерьёзнее, каждый первый – авантюрист. – Коллинз повёл носом, будто принюхиваясь, и добавил: – Это не считая дам, пожалуй. Самые красивые женщины Колонии в Лиссе! И самые весёлые. Вот, сейчас сами всё увидите!

И вправду, к нам приближалась группа танцующих девушек в полумасках. Они были босиком, их яркие шёлковые юбки струились и развевались, маняще приоткрывая загорелые ноги. Корсеты делали более тонким и округлым то, чему следовало быть тонким и округлым. Распущенные волосы они украсили живыми цветами, на запястьях и лодыжках звенели браслеты. Карнавал всё-таки!

Они окружили нас, напевая и пританцовывая, прекрасные как нимфы.

– Эй, морячки, нынче без маски в город нельзя! Купите маску! Все собранные средства идут в фонд помощи беглым рабам!

– Твою мать, – сказал Джимми Коллинз. – А как помогать-то кабрам будете?

Девушки были хороши, двигались грациозно и одуряюще пахли. Не всё ли равно, куда пойдут деньги? Я сунул руку в карман и щёлкнул большим пальцем, отправляя в полёт имперскую серебрушку. Высокая жгучая брюнетка хлопком ладоней поймала монету и попробовала её крепкими белыми зубами. Над верхней губой у неё виднелась обаятельная родинка, глаза блестели, а губы были алыми и влажными.

– Дайте три!

– А ты не местный! И не морячок! – Девушка обошла меня кругом и ткнула пальцем в грудь. – И денежки у тебя водятся. Ты откуда такой красивый взялся?

Она явно заигрывала, и мне казалось это странным. Я не привык к такой непосредственности, но, в конце концов, я действительно тут совсем чужой, и терять мне, в общем-то, было нечего.

– С другого конца света. – Мой голос звучал неестественно. – И очень хочу посмотреть Лисс.

Она надела на меня чёрную полумаску и затянула на затылке шнурки. Её подружки тоже самое сделали с Коллинзом и Келли.

– Девочки, я забираю его себе! Увидимся в «Унеси горе», в полночь!

Ей-богу, она подхватила меня под руку и потащила за собой наверх по узкой, мощённой булыжником улочке, едва освещённой и утопающей в зелени.

– Давай я заберу сандалии, и пойдём гулять по городу. Я покажу тебе всё и даже больше! – Энергия у неё так и била через край, она даже пританцовывала. – Кстати, меня зовут Джози, а тебя?

* * *

Она скрылась за калиткой, пройдя под аркой из замшелых камней, и я прислушался к звуку её босых ног по садовой дорожке. Дурацкий ранец за спиной – не очень-то погуляешь с ним! А где мне было его оставить? И фотокамеру тоже – ночью от аппаратуры не было особого толка. Когда-нибудь, наверное, научатся делать плёнку с большой светочувствительностью, усовершенствуют вспышку... А пока придётся довольствоваться собственными глазами и мозгом.

– О! – сказал кто-то. – Джози привела очередного хахаля.

– Какая плохая девочка, ужас!

– А мы вот сейчас у этого мистера и спросим...

Я обернулся. Три фигуры в светлой одежде были видны вполне отчётливо – даже в неверном свете соседского уличного фонаря. На лицах у них тоже были полумаски – карнавал же!

– Доброго вечера, – не нашёл ничего более уместного я.

– Слышите, ребята, как он говорит? Он нездешний, точно. И одёжка вот эта... Может, ты гемайн, дядя? Хотя не похож, не похож... Давай с тобой так поступим – сымай ранец, доставай из кармана кошель и иди прочь. А с Джози мы договоримся.

Они вразвалочку приближались ко мне. Лисс стремительно переставал мне нравиться.

– И сапоги у тебя что надо... Сымай и сапоги тоже.

Я сунул руку в карман и ответил:

– Нет!

У меня уже имелся печальный опыт общения с подобными типами, и я прекрасно представлял себе, что произойдёт дальше. А потому спустил с плеча ранец и примостил сверху сумку с фотопринадлежностями.

– Нет так нет, сапоги оставим. Почему не пойти навстречу такому понимающему мистеру?

Он очень опрометчиво наклонился и протянул руки к моим вещам, за что был наказан мощнейшим ударом сапога в подбородок. Выгнувшись, падкий до чужого добра молодчик опрокинулся на спину и ударился о землю ещё и затылком.

– Э, да ты чего... – послышалось со стороны его поделщиков.

Моя рука появилась из кармана, уже сжимая револьвер. Я не собирался стрелять – ткнул второго дулом в солнечное сплетение, прерывая попытку достать нож из-за голенища, а потом двинул в коленку твёрдым носком и, соскребая сквозь брюки кожу на голени, оттоптал ему пальцы ноги. Этого хватило, чтобы вывести противника из строя – он скорчился, пытаясь вдохнуть и ухватиться за повреждённую ногу одновременно.

Последний оставшийся на ногах блеснул в темноте клинком.

– Ты дурак? – спросил я и взвёл курок.

В этот момент появилась Джози в изящных сандалиях. Девушка пискнула от неожиданности и отпрыгнула обратно за калитку.

– Мы тут общались с твоими друзьями... – Я понятия не имел, это классическая подстава с её стороны или она была ни при чём. – Они решили, что уже уходят.

Джози склонилась над лежащим в беспамятстве типом, шёлк юбки выгодно очертил её крутые бёдра, и я отвёл глаза.

– Тарт, ну ты и придурок... Хорошо ещё, что живой! – Распрямившись, она упёрла кулачки в бока. – Ему, наверное, нужен доктор. Тащите его к Филатру, живо!

Парень с отбитой ногой наконец отдышался. Они с товарищем подхватили бедолагу за руки и ноги и понесли прочь. Мы некоторое время смотрели им вслед – кажется, несколько раз эти типы всё-таки уронили свою живую ношу.

– Круто ты с ними... – Девушка закусила нижнюю губу и сверкнула на меня глазами из-под бровей.

Этот пассаж я проигнорировал и спросил:

– Я могу оставить у тебя вещи до утра, Джози?

– Конечно, милый. Им здесь абсолютно ничего не угрожает, – с ангельской улыбкой сказала она. А потом добавила в сторону и практически одними губами: – Уже.

* * *

Лиссом правил карнавал.

Огромная площадь была окружена высокими зданиями в колониальном стиле, с портиками, барельефами и сложной лепниной. Буйная зелень увивала их стены, исполинские деревья шумели в ночной вышине своими кронами. Жёлтый свет фонарей и окон смешался с отблесками факелов, костров и жаровен.

Толпы разнаряженных людей в масках смеялись, пели, забрасывали друг друга конфетти и цветами, пританцовывали в такт мелодиям уличных музыкантов. Вино лилось рекой, в небо взлетали фейерверки, расцветая там немыслимыми узорами.

– Вы танцуете? Давайте танцевать! – Она увлекла меня прямо в центр толпы. – Все северяне такие грозные и неуклюжие?

Танцевал я в последний раз ещё до войны. До обеих войн... Поэтому только пожал плечами:

– Танцы не мой конёк, признаюсь честно.

– Твой конёк – бить людей до полусмерти? Расслабься, это же тарантелла! Все умеют танцевать тарантеллу. Только послушай!

Она стала хлопать в ладоши в такт музыке, а потом добавила движение бёдрами, одной ножкой, второй, сделала подбадривающий жест ладонями – и я уже изображал что-то такое, более или менее похожее на танец. По крайней мере, в многотысячной толпе всем было плевать на то, насколько точными получались движения.

– Вот, гораздо лучше! Говорят, что Лисс самый весёлый город Колонии! Десятки языков, сотня разных народов. И всем удаётся уживаться! Я обожаю этот город, я влюбилась в него с первого взгляда. – Она говорила, не переставая танцевать.

Я поднял руку, и Джози, подчиняясь логике тарантеллы, закружилась синхронно с другими девушками.

– Мне было пятнадцать, когда корабль с переселенцами опустил сходни на причале Лисса, и с тех пор я здесь. А ты? Зачем ты у нас?

– Работа.

– Наёмный убийца? – Она покраснела от танца, щёки её разругались – это было видно даже в свете фонарей. – Или, наоборот, охотник за головами?

– Журналист. Журнал «Подорожник», Имперское географическое общество. Я что, и вправду так кроважально выгляжу?

– Никогда не слышала о таком. Я почти не читаю прессу. И да, ты выглядишь как волк в овчарне. Взгляд у тебя такой, бр-р-р-р, как будто смотрю в дуло двустволки.

Впервые услышал про себя такое и не мог понять, это льстило мне или больше пугало?

Прозвучали последние аккорды развесёлой мелодии, и Джози, выдав последнее па и прищёлкнув пальцами, прильнула ко мне спиной и бёдрами и тут же отпрянула.

– А теперь пойдём, подбросим музыкантам монет!

– Ну, пойдём.

Я не мог понять, на кой чёрт я ей сдался. Мои первоначальные подозрения по поводу банального грабежа и «медовой ловушки» вроде как оправдались, а она всё ещё была тут, совсем рядом, прижималась горячим телом и стреляла глазками.

– Все средства, собранные сегодня, пойдут на благотворительность! – раскланивался седой скрипач. – Поможем братья нашим меньшим! Дадим кабрам второй шанс! Добрые жители Колонии, граждане Лисса, спасибо вам, спасибо! На варварство и дикость рабовладельцев мы ответим гуманностью и искренностью!

– «Братьями меньшими» вообще-то обычно называли животных.

– Что? – спросила Джози.

– Ничего, – ответил я. – Что такое «Унеси горе»?

– Проклятье! Точно! Мы же опаздываем! – всплеснула она руками и снова потащила меня куда-то.

Ну что за девушка, а?

* * *

«Унеси горе» – прибрежная гостиница, самая лучшая в городе, была полна народу. На импровизированной сцене-помосте в дворике уже отплясывали подружки Джози, и она, подпрыгнув как коза, оказалась рядом с ними и, выхватив у одного из музыкантов бубен, тут же перетянула всё внимание на себя, взмахнув шёлковой юбкой и на секунду показав публике точёные ножки. Свист, аплодисменты и летящие на сцену цветы – вот что было ей наградой.

Похоже, Джози была местной звездой, и тем более странным казалось её внимание ко мне. Но не только танцующие девушки вызывали ажиотажный интерес. Народ, собравшийся в гостинице, был представлен в основном мужчинами от пятнадцати до шестидесяти лет, и многие, если не большинство из них, выстроились в некое подобие очереди, которая начиналась от ворот и заканчивалась под навесом, где румяный толстяк в полувоенном расстёгнутом френче, сидя за большим письменным столом, размашисто чиркал что-то на жёлтых листах писчей бумаги, беседуя с каждым из подходивших.

Я приблизился и увидел за спиной мистера во френче плакат, освещённый керосиновой лампой, которая стояла на столе, прижимая пачку бумаги. Лихой, небрежно намалёванный парень в сбитом на затылок кепи и с винтовкой в левой руке тыкал указательным пальцем руки правой прямо мне в лицо и вопрошал: «А ты записался в городскую гвардию?»

– ...обязуетесь хранить винтовку отдельно от патронов, содержать оружие и снаряжение в порядке и явиться на базу гвардии Лисса не позднее чем через сутки после объявления сбора. В мирное время трижды в год по десять дней, в военное – до окончания боевых действий.

– А довольствие? – спросил дядечка в пиджаке с протёртыми локтями.

– А довольствие обеспечивает Колония, город и граф Грэй лично...

– Тогда и меня пишите! Абрахам Бэ Томпсон!

Меня кто-то подтолкнул в спину:

– Ты тоже записываться? – И вдруг совершенно другим тоном: – Эй, это же тот говноед!

Я резко обернулся и лицом к лицу столкнулся с теми самыми парнями, которые пытались ограбить меня у дома Джози. Один из них опирался на палку, голова второго была перемотана тугой повязкой, третий был полностью в порядке – он-то и узнал меня.

Здесь все вокруг были их друзья, соседи и союзники. Очередь желающих записаться добровольцами мигом превратилась в толпу желающих избить меня до полусмерти. Думать было

некогда. Развернувшись на каблуках, я в четыре огромных прыжка оказался на помосте, под удивлённый писк Джози взлетел на каменный забор, балансируя, немного пробежался по нему, спрыгнул и ринулся сквозь припортовые трущобы, не разбирая дороги.

Сзади улюлюкала и завывала толпа. В небе рвались последние залпы фейерверка – карнавал, однако!

Глава 6

Феерия

– Корзинщик, корзинщик, дери с нас за корзины!

Но только бойся попадать в наши палестины!

Хриплый испитый голос пробился сквозь забытие, и странная песня завершилась матерной тирадой.

Всхрапнул конь, заскрипели тележные оси, послышалось кряхтение. Кто-то подошёл ко мне и ухватил за плечо.

– Эй! Друг, скажи мне, ты не помер?

– Помер, – ответил я и попытался сесть.

Адски заболело с левой стороны груди – похоже, сломал ребро или два. Всё тело саднило, как будто по нему бродило стадо слонов.

– Кой хрен ты, любезный, попёрся через овраг? Тут же есть приличная дорога на Каперну. Нет нужды бегать по лесу и перепрыгивать ручьи и балки. Или была такая нужда?

Я наконец сумел сфокусировать взгляд на своём собеседнике. Определённо, он был угольщиком и алкоголиком – это было ясно по чёрным пятнам на одежде и пористому красному носу.

– Нужда была... Толпа молодчиков, которые сильно обиделись на меня за то, что я не позволил их товарищам себя ограбить.

– А-а-а-а, да. В Лиссе такое случается. Бестолковый город, ей-ей, бестолковый. Давай, любезный, обопрись на старого Филиппа, и пойдём к телеге, потихонечку, помаленечку...

Оказалось, вдобавок к сломанным рёбрам, у меня ещё подвёрнута лодыжка. Угольщик протянул руку к моей щеке, дёрнул и показал здоровенную щепку, конец которой был окровавлен.

– Приводить в порядок тебя буду потом, но на это бревно у меня просто не было сил смотреть.

Он усадил меня на борт, и я, наплевав на состояние своей одежды, рухнул на кучу угля. Рядом со мной стояла корзина, откуда росли колючие побеги роз, увенчанные пышными алыми бутонами, которые одуряюще пахли.

– А это графиня, чистая душа. Сказала, зацветут у тебя из угля прекрасные цветы однажды. А потом граф ко мне пришёл и говорит: «Знаешь, как работают чудеса?»

Угольщик взялся за поводья, и лошадка потрусила вперёд. Дорога и вправду была хорошей – двухполосное цементированное шоссе, на котором практически не трясло. Мне было жутко интересно, и поэтому я слушал дальше.

– Он прислал Летику с этой корзиной, полной угля, и передал, чтоб я не смел избавляться от неё и поливал каждый Божий день. И вот, езжу теперь с розовым кустом, как кретин. Зато как графиня увидела, так захлопала в ладоши и разулыбалась – чисто солнышко!

Я задумался над подходом к жизни этого графа и спросил:

– А что, много графёв в Колонии?

– Один-единственный, и тот не местный – переселился сюда по большой любви.

– Так, а вот паруса...

– Дались вам всем эти паруса!

– Так его корабль или нет?

– Его. Галиот «Секрет». По большим праздникам в парусах из алого шёлка. Давеча у них годовщина свадьбы была, если ты об этом, любезный...

Филипп замолчал, и я тоже. Всё это требовало осмысления, а ещё мне очень нужно было понять, как добыть из домика Джози свою фотокамеру и другие вещи. Соваться туда со сло-

манными рёбрами было большой глупостью, а вероятность того, что она заложит моё имущество какому-нибудь местному скупщику краденого, с каждым часом возрастала.

У меня жутко заболела голова, и я закрыл глаза. Вези меня, угольщик...

* * *

На сей раз пробуждение было гораздо более приятным, а голос – женским и мелодичным.

– Он ведь иностранец, верно? Пошлите в Лисс за доктором Филатром, а я пока попрошу Польдишока подобрать ему подходящую одежду. Вот, кажется, он очнулся!

Я приоткрыл один глаз и увидел краешек мягкого одеяла, золотую лепнину на потолке и каштанового цвета волосы молодой женщины, которая сидела на резном стульчике у моего изголовья. Приоткрыл второй и убедился, что нахожусь в обстановке удивительной, элегантной и роскошной, какой не видал и в резиденции императора с её тяжеловесной помпезностью торжественных залов и аскезой личных покоев и кабинетов.

Это был настоящий дворец из сказки. По крайней мере, комната, в которой я находился, была просто прелестной, от стен и потолка до последней кружевной салфеточки на комод. И хозяйка дворца была ему под стать. Эта женщина... Девушка? Ей могло быть и двадцать девять и пятьдесят – такие женщины не старели очень долго, сохраняя свежесть и живость, свойственные молодости. Тонкая, звонкая, с фантастическим блеском в глазах, нервическим летящим изгибом бровей и румянцем – такими изображают на гравюрах в книгах фей или принцесс, заточённых в колдовских башнях.

– Вы пришли в себя! Вот, выпейте – это растворимая ацетилсалициловая кислота, снимает боль и воспаление.

– Не знаю, как вас и благодарить... – Я был знаком с этим лекарством, Тревелиан сильно хвалил его в своё время, и потому выпил без сомнений. – Я сам отчасти виноват в том положении, в котором оказался...

– Один, в чужой стране, без друзей и близких – всякий может растеряться. – Она участливо посмотрела на меня, поправила холодный компресс на лбу. – Не бойтесь, здесь вам ничего не угрожает. Скоро придёт доктор Филатр – Летика уже выехал за ним на автомобиле. Он живо поставит вас на ноги. Вот здесь электрический звонок, если вам хоть что-нибудь понадобится, не стесняйтесь, прошу вас!

Подушки были мягчайшими, одеяло уютным и тёплым, компресс приятно охлаждал голову, а лекарство, должно быть, начинало действовать, и мне с каждой минутой становилось лучше и лучше.

* * *

Филатр – седой доктор с затаённой тоской в глазах и умелыми сильными руками, мигом вправил мне ногу, наложил на грудь тугую повязку и обработал ссадины и царапины.

– После карнавала так всякий раз... – сказал он и обернулся к Летике, ушедшего вида довольно красивому мужчине с повадками пирата, контрабандиста или конкистадора. – Вечером ко мне припёрся Тарт... Точнее его принесли два бездельника. Их отделал какой-то иностранец. Потом ночью в «Унеси горе» был какой-то переполох на вербовочном п...

Летика скорчил рожу, шикнул – так, чтобы хозяйка ничего не заметила, и доктор вернулся к моим занозам и царапинам. Эти их гримасы не уклонились от меня – графиня (а это ведь была именно она) по каким-то причинам не должна была знать о чём-то, происходящем за пределами стен этого сказочного места.

– Вы ведь нездешний? – быстро перешёл на другую тему доктор. – Какими судьбами в Лиссе? Из каких далёких краёв?

Графиня всплеснула руками – добрейшая душа:

– Может быть, он ещё слишком слаб и нам незачем докучать ему разговорами? Не может ли это подождать?

– Нет-нет, вы и так слишком много сделали для меня, чтобы я злоупотреблял вашим доверием. Я журналист, специальный корреспондент журнала «Подорожник» – Имперское географическое общество. Пишу череду заметок о быте и нравах городов Колонии, и надеюсь продолжить очерками о Натале. Документы были в нагрудном кармане кителя, можете ознакомиться, я не против.

Летика пошёл проверять бумаги, графиня послала ему вслед укоризненный взгляд.

– А я думал, вы солдат, – проговорил доктор. – Вот этот шрам на брови, и вот здесь – это не последствия несчастных случаев.

– В Новой империи нынче каждый второй солдат или недавно был им.

– Вы офицер? – Летика бегло просмотрел паспорт и аккредитацию и, видимо, остался доволен. – Где служили?

– В пехоте, – криво усмехнулся я.

– Помотала вас жизнь, я смотрю. – От цепких глаз Филатра мало что могло укрыться. – А вот это вот всё – я имею в виду свежие травмы, – это что, тоже последствия карнавала?

– Карнавала и профессионального любопытства. Я, можно сказать, адепт нового течения журналистики – гонзо, знаете...

– Ах да! Об этих ваших новых веяниях весь свет говорит. Начали в Протекторате, подхватили в империи. «Новеллы поручика»... – сказал Филатр, польстив мне до мозга костей. – И «Златокипучий Свальбард», конечно же... Излишне кроваво и пафосно, на мой взгляд, да и консервативный романтизм мне чужд, но достойно внимания.

Свальбард – это уже творчество Дыбенки, который вдруг взялся за перо по горячим следам буйного освоения севера. Я вдруг понял, как сильно соскучился по северному сиянию, суровой красоте Груманта и самому Дыбенке, конечно, и даже поймал что-то вроде ностальгии. Графиня прочла мои эмоции как открытую книгу:

– Для вас ведь это не просто названия, да? – склонила она голову.

– С авторами этих циклов я знаком лично. И в местах тех бывал многократно.

– Чудеса, – проговорила она. – На меня как будто дохнуло ледяным воздухом севера – такой взгляд у вас был.

– Не имел желания вас заморозить, миссис...

– Грэй, конечно же – я ведь даже не представилась! Моя фамилия теперь Грэй, в девичестве Лонгрэн. Вы находитесь в доме графа Грэя, в Каперне! Ни о чём не беспокойтесь, поправляйтесь, гуляйте – только осторожно, муж очень беспокоится о моей безопасности, тут строгие сторожа.

Она попрощалась и упорхнула распорядиться насчёт обеда, а я подозвал к себе доктора.

– Мистер Филатр, есть просьба деликатного свойства...

– Ну-ну?

– Джози...

В глазах у него вдруг промелькнуло понимание:

– Это вы отделали Тарта! – воскликнул он, заставив Летику обернуться.

– Господи, да что ж вы так орёте?

Доктор зажал рот руками и кивнул.

– У этой девушки, Джози... У неё мой багаж, в сером платяном шкафу. Ранец с вещами и кофр с фотокамерой – сами понимаете, с моей профессией...

– Ладно, я постараюсь всё уладить. Ничего не обещаю, но постараюсь. Зачем же вы деньги мне суёте-то?

– Купите ей леденец на палочке и красивое коралловое ожерелье – таких девушек надо баловать, верно?

– Эх, молодость! – ухмыльнулся Филатр. – Я всё сделаю. Ещё что-нибудь?

– Ни в коем случае не говорите, где я сейчас нахожусь, ну и намекайте, что загляну как-нибудь на огонёк. Ничего такого – просто рядом с ней приключения так и сыплются на мою голову. Потрясающий материал для статей, не находите?

Летика покрутил пальцем у виска, думая, что я не вижу. А я только подмигнул ему и усмехнулся.

* * *

Это, чёрт побери, было великолепно! Я выбрался на прогулку, опираясь на костыли, сразу же, как только смог. Поместье было явным новоделом, но настолько достоверным, что я даже на секунду поверил, что перенёсся в Альянс или Протекторат, в один из тех безумно-прекрасных замков эпохи Возрождения, которые создавали для себя короли и магнаты, желая стать равными языческим богам в красоте, роскоши и искусстве.

Колоннады и арки, барельефы и башенки особняка, хрустальный купол оранжереи, прекрасные скульптуры и подсвеченные электрическими лучами струи фонтанов в ярко-зелёном диком лесу, превращённом трудолюбивыми и искусными в работе человеческими руками в лучший парк из всех, что я когда-либо видел. Даже воздух был тут свеж и пах так, как будто кто-то специально распылял флёр д'оранж по ветру. Скорее всего, тут был ещё и цветник, и сад, и ароматы доносились именно оттуда – но впечатление было именно таким.

Прислуга, а точнее население поместья, состояла из молодых и красивых людей. Форменная одежда выглядела опрятно и даже элегантно: от белых передников горничных до сверкающих медных пуговиц на мундирах тех самых строгих сторожей. Эти были тоже молоды и красивы, но глаза выдавали в них настоящих матёрых волков.

– Быстро вы встали на ноги, – догнал меня Летика. – И двух суток не прошло!

– Опухоль на ноге спала, скоро и костыли брошу – припарки Филатра работают. А что касается ребра и всего остального, это терпимо. Бывало... – оборвал я себя на полуслове.

– Бывало и хуже? Бывало, ещё и ружьё при этом стреляло? – Этот тип явно хотел понять, что я за человек. – Вы за кого воевали?

– За Новую империю, – с вызовом глянул на него я.

Несмотря на то что Колония была формально независимой от Альянса, мифология и нарративы, распространяемые лаймовской прессой по поводу лоялистов, Ассамблей и нашей гражданской войны, видимо, пустили корни и здесь. Я уже замечал кое-кого из своих бывших сограждан, которые осели в Гертоне. Они совершенно точно носили раньше синие мундиры. Местный народец с куда большим вдохновением слушал их рассказы про «души прекрасные порывы», в которых души – это глагол, а душители – это ваш покорный слуга и ему подобные. «Свобода, равенство, братство» – это всегда звучит красивее, чем «Порядок, тяжкий труд и реформы».

– Вот как! Ну конечно – кто бы пустил лоялиста на хлебное место в ИГО?

– Ой, бросьте вы. Была амнистия. Дыбенко, который написал про Свальбард, лоялист. И что? Живёт и здравствует. Я лично с ним знаком – отличный парень!

– Вас послушаешь – у вас там тишь, гладь да Божья благодать. – Кажется, это была его привычка – говорить стихами.

– Когда страна и её народ проходит через то, что прошла империя, становится кристально ясно, что работающий водопровод и наличие в магазине молочной смеси для детского питания гораздо важнее, чем крики ораторов с трибуны и портрет, который висит на стене. Сейчас у нас всё работает, и прилавки полны уже несколько лет подряд. И народ это ценит.

– Такой прагматичный подход... Чарка и шкварка важнее идеалов и принципов?

– Не передёргивайте. Эта чарка и шкварка появились именно потому, что нашлись люди, непреклонно верные своей присяге, стране и принципам.

– А свобода? Права человека?

Я вспомнил шелуху от семечек, плевки на мостовой Яшмы и повешенную за ноги семью, и меня передёрнуло.

– Если каждый будет помнить про долг и честно исполнять свои обязанности – права и свободы будут не нужны. Это так же естественно, как соблюдать правила дорожного движения, когда едешь по городу на автомобиле.

– До тех пор, пока нам не указывают, куда ехать можно, а куда нельзя.

– Иногда это приходится делать – например, чтобы починить дорожное полотно, – парировал я.

Все эти абстракции мало подходили для того, чтобы обрисовать происходившее в империи три-пять лет назад, но вполне годились, чтобы вывесить флаг и обозначить позицию. Можно было не идти на таран, а разойтись бортами – и я, и Летика это понимали. Устраивать громкие дебаты здесь не входило в мои планы.

– Пойдёмте, я покажу вам сад, – сказал он. – Кстати, вы бывали в Зурбагане? Зурбаган, это я вам скажу, феерия – местами дождь, местами град, местами сладкий виноград...

* * *

– Летика! Летика! – кричал кто-то хорошо поставленным зычным голосом. – Почему не разгрузили оборудование для нового цеха? Грузовики уже прибыли, где рабочие?

Мой провожатый спохватился, хлопнул себя по лбу и бросил:

– Совсем я с вами тут... Возвращайтесь в свою комнату, вам не стоит сейчас находиться снаружи, чтобы не было проблем, – и убежал.

Конечно, я остался снаружи. Более того, нашёл дырку в живой изгороди, которая отделяла сад от увитых плющом складских помещений. Плющ неплохо маскировал серые стены, и отсюда ангары казались довольно благообразными. Сквозь дырку я видел «зельвегеры» – протекторатские тентованные грузовики-трёхтонники. Люди в спецовках спешно выгружали ящики, подогнали гидравлический погрузчик, и с его помощью перевезли в одно из складских помещений заводские станки. Я бы узнал их даже среди ночи – очень часто жизнь и смерть солдата на поле боя зависела от бесперебойной работы этих штукун.

– Там у нас фабрика игрушек! – раздался за моей спиной мелодичный женский голос. – Семейное дело! Мой отец начал делать игрушки – модели кораблей, зданий. Так мы пережили несколько сложных лет, пока Грэй не нашёл меня. Теперь в память о нём мой супруг организовал производство детских игрушек по моделям Лонгрена. Деньги с каждой десятой проданной игрушки идут на благотворительность – вдовам, сиротам и больным. Это может быть чудесный материал для статьи, да? Хотите, я попрошу Артура – мы покажем вам фабрику и рабочее общежитие... И буфет! У нас чудесный буфет – я пеку туда иногда рогалики с ореховым кремом, совершенно бесплатно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.